

Neil Fligstein
Doug McAdam
A Theory of Fields

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Вадим Радаев. Предисловие научного редактора.</i>	10
Благодарности	31
ГЛАВА 1. СУТЬ НАШЕГО ПОДХОДА	38
Ключевые элементы теории	48
Другие подходы	75
Заключение	90
ГЛАВА 2. МИКРООСНОВАНИЯ	94
Смысл и принадлежность: о происхождении экзистенциальной функции социального	95
Коллективное как экзистенциальное прибежище	104
Социальный навык	115
Роль социальных навыков в действии	124
Заключение	129
ГЛАВА 3. МАКРООСНОВАНИЯ	136
«Укорененность» полей стратегического действия	140
Экскурс в формальную организацию и бюрократию	149
Государство как система полей стратегического действия	155
Воздействие государственных полей на негосу- дарственные поля стратегического действия	162
Зависимость государств и государственных полей от негосударственных полей	169
Внутренние единицы управления	174
Высшее образование и профессии	177
Заключение	180

ГЛАВА 4. ИЗМЕНЕНИЯ И СТАБИЛЬНОСТЬ В ПОЛЯХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ	184
Современные дебаты	185
Возникновение полей стратегического действия	191
Сохранение условий урегулирования: воспроизводство полей	209
Урегулирование и разрушение: стабильность и кризис в полях стратегического действия	215
Восстановление стабильности поля.	225
Соотношение социальных навыков и состояния поля стратегического действия	233
Заключение	240
ГЛАВА 5. ПРИМЕНЕНИЕ ПОДХОДА: ПРОТИБОБОРСТВО ПО РАСОВОМУ ВОПРОСУ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ В 1932–1980 ГОДАХ И ПОДЪЕМ И УПАДОК ОТРАСЛИ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ ИПОТЕКИ В 1969–2011 ГОДАХ	243
Борьба за гражданские права, 1932–1980 годы	245
Пролог: противоборство по расовому вопросу в Соединенных Штатах в 1781–1877 годах	246
Поле расовой политики, 1877–1932 годы	249
Дестабилизирующие изменения: Великая депрессия и холодная война	259
Эпизод противоборства и подъем движения за гражданские права	269
Новое урегулирование	275
Ослабление эффекта обстановки холодной войны	276
Реванш диксикратов и окончание электорального режима «Нового курса»	277
Подъем движения «Власть черных» и разрушение поля стратегического действия движения за гражданские права	280
Институционализация движения за гражданские права и ее воздействие на другие поля стратегического действия	283

Подводя итоги: важный постскрипtum	288
Трансформация ипотечного рынка США в 1969–2011 годах	295
Доминирующие поля стратегического действия на ипотечном рынке в 1934–1987 годах	299
Изменения, которые дестабилизировали ипотечный рынок, 1969–1987 годы	305
Урегулирование и новое поле стратегического действия	314
Распространение промышленной модели рынка ИЦБ в 1993–2007 годах	318
Причины кризиса	329
Влияние поля стратегического действия, основанного на промышленной модели, на другие поля стратегического действия	332
Заключение	335
ГЛАВА 6. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СООБРАЖЕНИЯ	340
Дорожная карта	341
Как определить, существует ли поле стратегического действия?	345
Возникновение, стабильность и кризис. Часть 1	350
Проблема государства в отношении к полям стратегического действия	356
Возникновение, стабильность и кризис. Часть 2	359
Социальный навык, стратегическое действие и проблема предпринимательства	366
Рассмотрение различных подходов к философии науки и методологических стратегий	376
Позитивистский подход к полям стратегического действия	384
Реалистические подходы к изучению полей стратегического действия	392
Проблема эмпиризма	400
Заключение	403

ГЛАВА 7. НА ПУТИ К ТЕОРИИ ПОЛЕЙ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ	406
Итак, что же здесь нового?	407
Проблема накопления знания в социальных науках .	421
Неожиданное открытие полей	424
На пути к совместной программе теоретических и эмпирических исследований полей	434
Библиография	447

*Посвящается Хезер и Трейси,
а также Кайли, Молли и Тейлор*

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

НАЧНУ это предисловие с короткой личной предис-
тории. С начала нового тысячелетия мы со мно-
гими моими коллегами занимались переводами
фундаментальных работ в области экономической социоло-
гии. И за полтора десятка лет было опубликовано не-
мало ценных трудов — в журнале «Экономическая социоло-
гия», а также отдельными книгами¹. Это позволило не
только ввести в российский профессиональный оборот
длинный ряд ключевых текстов, но и сформировать тема-
тический и терминологический корпус современной эконо-
мической социологии на русском языке. Работа продол-
жалась до 2014 года, когда была выпущена книга «Клас-
сика новой экономической социологии» [Радаев, Юдин,
2014] с переводом наиболее известных статей, давших на-
чало основным направлениям в этом исследовательском
поле. После выхода книги я собрал всех участников пере-
водческого проекта, поблагодарил их и объявил о его за-
крытии. В связи с высокой загруженностью другими де-
лами я больше не мог уделять достаточного времени это-
му важному, но весьма трудоемкому занятию. Пришлось

¹ Книги с переводами ключевых работ см.: <https://ecsoclab.hse.ru/translation_books>.

подвести черту. И хотя наш журнал «Экономическая социология» продолжал публиковать переводы отдельных интересных авторов, я сам уже не занимался, как прежде, их отбором и научным редактированием.

Однако спустя семь лет (немалый срок) я нарушил это правило, сам предложил себя Издательскому дому Высшей школы экономики в качестве научного редактора готовящейся к переводу книги и договорился о переводе с Екатериной Головляницыной, несомненно одной из лучших наших переводчиц в социологии. Она любезно согласилась, хотя уже давно работала вне академической сферы. Исключение было сделано ввиду особой значимости этой книги для современной экономико-социологической теории и, полагаю, для социальной теории в целом. Речь идет о представляемой вашему вниманию «Теории полей». В данном предисловии я постараюсь коротко обрисовать ее основные положения. А оценить их значимость вы сумеете сами после прочтения книги.

ЧТО ТАКОЕ ПОЛЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ

Главная цель этой книги, как ее определяют сами авторы, — представить целостную теорию, которая объясняет, как действия социальных акторов порождают стабильность и изменения в условиях определенных социальных ограничений. При построении этой теории авторы опираются на множество самых разнообразных источников, среди которых они упоминают теорию организаций, исторический институционализм и экономическую социологию, а также теорию социальных движений. По мнению авторов, сторонникам институционального подхода лучше удавалось выявление факторов стабильности и воспроизводства при недооценке роли власти, а исследователи социальных движений ожидаемо преуспели в объяснении динамики конфликтов и изменений. Авторы же

хотели соединить оба этих начала. Они также признают, что при разработке своей теории опирались на концепцию социального действия Макса Вебера [Вебер, 2005; 2016–2019], символический интеракционализм Джорджа Герберта Мида [Мид, 2009] и инструментализм Карла Маркса (хотя, честно говоря, прямых следов марксизма я обнаружил немного). Добавим, что в прежних работах Нил Флигстин называл свой подход «политико-культурным», вероятно, чтобы подчеркнуть его синтезирующий характер [Флигстин, 2003].

В основу предлагаемой теории положено представление о полях стратегических действий, и прежде всего нужно определить это понятие. Лучше всего это сделают сами авторы: «Мы придерживаемся позиции, что поля стратегических действий являются основными звеньями коллективного действия в обществе. Поле стратегических действий представляет собой сконструированный социальный порядок мезоуровня, к которому акторы (индивиды или коллективы) привязаны и в котором они взаимодействуют друг с другом на основе разделяемых (хотя и не консенсусных) пониманий о предназначении данного поля, отношениях к другим акторам в данном поле (включая то, кто и почему обладает властью), о правилах, регулирующих легитимные действия в поле» (с. 49).

Здесь прослеживается явное влияние структурной концепции поля, которая была предложена П. Бурдьё еще в конце 1970-х годов [Бурдьё, 2004; 2005; Bourdieu, 2005]. В соответствии с этой концепцией поле образуется в результате взаимного позиционирования акторов, которые различаются по объему и структуре имеющегося у них капитала. Структура распределения специфических форм капитала и задает структуру поля, которая, в свою очередь, определяет условия входа в поле и возможности извлечения в нем прибыли. Структура капитала реализуется во властных отношениях между участниками поля или в

их относительной способности влиять на структуру поля и на других участников. Главное противостояние во властных отношениях поля возникает между его доминирующими игроками и претендентами, где первые (более крупные и влиятельные) демонстрируют относительное постоянство состава, а вторые (менее крупные и влиятельные) чаще подвержены ротации, периодически возникают и исчезают.

Принимая многие положения Бурдьё, авторы книги определяют поле скорее в духе символического интеракционизма — как арену взаимодействия акторов, где главным структурирующим фактором являются их действия относительно друг друга. Именно поэтому оно превращается в «поле стратегических действий», а «стратегическое действие» определяется как «попытка социальных акторов создавать и поддерживать социальные миры посредством кооперации с другими акторами» (с. 20). Авторами данной книги также предлагается более конструктивистский взгляд, выражающийся в том, что ключевую роль в формировании поля и его границ играют представления участников поля. Именно осмысление и освоение участниками поля правил игры превращает эти правила из абстрактных предписаний в конституирующие элементы распространенных моделей взаимодействия. А возникновение разделяемых представлений (или их насаждение доминирующими игроками) становится важнейшим фактором стабилизации рынков (подробнее см.: [Радаев, 2011]). Таким образом, акторы не только занимают в поле некоторую позицию, но также имеют некоторые обобщенные представления о том, как их позиция соотносится с позициями других в данном поле.

Далее, в отличие от Бурдьё, который ограничивается в основном анализом на уровне индивидуальных акторов, помещенных в пределы полей [Бурдьё, 2004; 2005], авторы фокусируются на коллективном действии акторов

и на том, как их кооперация и конкуренция меняет структуру полей. Кроме того, у Бурдьё поля многое задают в действии акторов, которые вынуждены довольствоваться тем, что имеют. Он редко рассматривал возникновение новых и трансформацию существующих полей, в то время как Флигстин и Макадам концентрируются именно на динамических аспектах. Наконец, Бурдьё хотя и осознавал взаимосвязанность разных полей, но не стремился теоретизировать связи между ними. А в предлагаемом подходе связи с другими полями играют основополагающую роль.

Какие игроки образуют поле? Вслед за Бурдьё Флигстин и Макадам включают в поле доминирующих игроков и претендентов. К доминирующим игрокам относят акторов, обладающих непропорционально большой долей влияния в поле, а к претендентам — тех, кто большей частью подчиняются господствующему порядку, но при появлении возможности пытаются оспорить структуру и логику системы. Причем и те и другие занимаются одними и теми же видами деятельности. Например, если мы говорим о поле какого-то рынка, то они будут представлять производителей одного и того же продукта или услуги в рамках одной индустрии, тем самым выступая по отношению друг к другу в качестве прямых конкурентов. Это означает, помимо прочего, что взаимодействие доминирующих игроков и претендентов не сопряжено с рыночными транзакциями.

Далее, отходя от позиции Бурдьё, авторы книги расширяют состав основных участников поля, добавляя к ним так называемые внутренние управленческие единицы, в число которых входят деловые ассоциации, рейтинговые агентства и прочие регулятивные структуры. Они следят за соблюдением действующих в поле правил и берут на себя функции регулирования и легитимации логики организации данного поля. Эти единицы предоставляют участникам поля рутинные административные сервисы, обеспечивают их информацией, контролируют соблюде-

ние правил, сертифицируют принадлежность к полю. При этом они отличаются от внешних государственных структур. Признавая особую важность последних, авторы тем не менее выводят их за границы поля стратегических действий, показывая, что государство образует самостоятельные поля, влияющие на данное поле. Обычно именно внутренние единицы управления берут на себя большую часть взаимодействий между полем стратегического действия и связанными с ним различными государственными полями, к тому же некоторые внутренние единицы управления больше ориентированы вовне, чем настроены на события внутри поля стратегического действия. В том числе они выступают инструментом лоббирования и публичным лицом данного поля стратегических действий, а зачастую специально создаются под эти цели, как это происходило, например, с деловыми ассоциациями в России в 1990-е и 2000-е годы.

Добавим, что, на наш взгляд, в этой схеме недостает еще одного типа участников. Это множество мелких игроков в данном поле, которые не только далеки от доминирующих позиций, но и не относятся к числу претендентов, не притязая на узнаваемое имя, на проведение изменений и тем более на оспаривание чьих-то позиций. Но именно они по численности образуют основную массу участников данного поля. Мы бы назвали их «выживающими» (survivors). Часто они даже не связаны с деятельностью внутренних единиц управления (не входят ни в какие ассоциации, не рейтингуются). Их единственная забота — оставаться в данном поле, таком, каким оно было устроено другими. Эти мелкие игроки часто выбывают из игры, прекращая свою деятельность, но на их место тут же приходят другие. Без них, как нам кажется, представление о поле остается неполным.

Для описания формирующихся в поле разделяемых пониманий часто использовалось понятие «институцио-

нальной логики» [Скотт, 2007]. Но для Флигстина и Мак-адама важно, что поля — это не пространство консенсуса и единых институциональных логик. Это состязательные арены, на которых его участники постоянно маневрируют, чтобы улучшить свои позиции. При этом они борются не только за ресурсы и материальные привилегии, но за определенные понимания реальной ситуации, исходя из различных интерпретативных рамок. В этом отношении поля стратегических действий всегда находятся в подвижном состоянии, здесь непрерывно оспаривается сложившееся положение дел.

Стабильность же поля, пусть и временная, обычно достигается двумя способами: за счет установления иерархической власти одной доминирующей группы или за счет создания политической коалиции на основе кооперации нескольких групп. И ключевое значение для данного поля, собственно, имеет то, что в настоящий период лежит в основе стратегических действий, — принуждение, конкуренция или кооперация. Хотя здесь речь идет скорее о трех идеальных типах, в реальной жизни поля эти три подхода, как правило, комбинируются, но применяются они в каждый данный момент в очень разной степени.

СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ, ИЛИ МИКРООСНОВАНИЯ ТЕОРИИ

Для предлагаемой в книге теории полей чрезвычайно важен акцент на мотивированных и квалифицированных социальных акторах, которых иногда, с подачи Пола Димаджио, называют «институциональными предпринимателями» [DiMaggio, 1988]. В то время как многие другие теории ставят на первое место интересы и власть, здесь самую важную часть теории, по мнению авторов, составляет раскрытие того, как укорененные в данном поле социальные акторы меняют это поле и поддерживают в нем

социальный порядок. Авторы критикуют сложившуюся в социальных науках еще с классического периода тенденцию рассматривать индивидов не как архитекторов, а, скорее, как продукты социальной жизни (классовой структуры, морального порядка и проч.). В результате социальные системы начинают жить своей собственной жизнью, а функции людей сводятся к роли автоматов, действующих по готовым сценариям. При этом авторы книги предостерегают себя и нас от опасности переоценить способности квалифицированных стратегических акторов к изменению, и нам, конечно, не следует упускать из виду ограниченность доступных этим акторам возможностей, которые они могут обращать в свою пользу.

Предлагаемая авторами теория коллективного действия разворачивается с помощью двух взаимосвязанных конструкций — концепции экзистенциальной функции социального и концепции социальных навыков, на которые нужно обратить особое внимание.

Выстраивая микрооснования своей теории, авторы прибегают к привычной для нас критике теории рационального выбора, которая предлагает концепцию атомизированного индивида и в этом смысле, естественно, оказывается «несоциологичной». Но далее ими ставится ключевой вопрос не более и не менее как о сущности человеческой социальности. И авторское решение этого вопроса выглядит не совсем обычным образом. Авторы пытаются представить социологическую трактовку эволюции *Homo sapiens*, которая противостоит известным археологическим и антропологическим подходам.

Флигстин и Макадам привлекают наше внимание к культурному взрыву, или революции в социальном поведении, произошедшему около 45–50 тысяч лет назад, то есть много позже появления современного в анатомическом отношении человека, сформировавшегося примерно 200 тысяч лет назад. Этот взрыв выразился во внезап-

ном появлении множества изображений, тщательно изготовленных изделий в захоронениях и специфичных для каждой местности наборов орудий труда. Авторы задаются вопросом о природе этого поразительного скачка и находят на него ответ: все дело не в возникновении символического мышления или опыта культуры, но в появлении необыкновенной способности людей к *согласованному, осмысленному, символическому, совместному* действию.

Проблема в том, что вместе со способностью к мышлению и рефлексии к человеку приходят экзистенциальные сомнения и страхи, которые побуждают его к поиску смыслов. И тут оказывается, что основные источники смыслов и идентичности в нашей жизни лежат за пределами наших собственных возможностей и интересов, их могут нам дать только коллективы. Ключевое противоречие, таким образом, состоит в том, что жизненные смыслы могут быть выработаны не иначе как во взаимодействии с другими людьми, которые при этом могут иметь представления, сильно отличающиеся от наших. Поэтому, пытаясь победить нашу экзистенциальную тревогу и отчаяние, мы часто (вольно или невольно) втягиваемся в конфликты с другими группами, у которых есть свои собственные «проекты смыслов». И даже осознавая это противоречие, мы не в состоянии его избежать.

Авторы утверждают, что именно потребность в выработке собственной идентичности как совокупности смыслов составляет основу стремления людей инициировать и поддерживать коллективное действие вместе с другими людьми. И свою конечную цель авторы видят в том, чтобы выстроить социологическую концепцию, которая учитывала бы экзистенциальные способности людей к созданию смыслов и их потребность в наличии смысла и принадлежности к группе и которая объясняла бы, как, следуя этому стремлению, люди создают и поддерживают социальные миры на мезоуровне.

В свое время экономисты, среди которых прежде всего ссылаются на М. Олсона [Олсон, 1995], указывали, что склонность людей к «бесплатному проезду» за счет других (фрирайдерству) можно преодолеть только путем селективных стимулов для индивидов или принуждения, побуждающих их присоединиться к группе. Иными словами, коллективные проекты реализуются лишь тогда, когда они опираются на узко определенные инструментальные цели или на простой, но действенный человеческий страх перед насилием. Занимая прямо противоположную позицию, авторы книги убеждены, что для человека присоединение к группам и другим коллективам выступает как весьма желанная цель сама по себе. По их мнению, мы никогда не руководствуемся исключительно личным интересом и какими-то заранее заданными целями. Большинство из нас значительную часть времени действуют из желания чем-то подкрепить нашу принадлежность к той или иной группе.

Тем самым авторы книги критикуют марксистские положения о примате материального в социальной жизни, утверждая, что современные люди неустанно стремятся выработать разделяемые представления и что стратегические действия в полях возникают в результате сложного сочетания материальных и экзистенциальных соображений. То, что сущность социальности человека видится в совместной выработке смыслов происходящего, никак не отвергает более узко определенных инструментальных и материальных оснований человеческого существования. Авторы полагают, что материальное и экзистенциальное просто невозможно разделить. Не говоря уже о том, что материальные цели тоже почти всегда устанавливаются и достигаются в группе. Сказанное также не означает, что властные полномочия и эгоистические интересы не имеют никакого значения. Речь о том, что стратегическое действие неразрывно увязывается со свойственной чело-

веку способностью и потребностью вырабатывать общие смыслы и идентичности, служащие реальной основой существования общества.

Итак, стратегическое действие рассматривается как попытка социальных акторов создавать и поддерживать социальные миры посредством кооперации с другими акторами, которые могут иметь иные представления и интересы. Но создание политических коалиций — сложная задача, требующая особых навыков. И акторам, если они хотят что-либо изменить или, напротив, сохранить status quo, приходится убеждать другие группы, что объединение усилий действительно служит их общим интересам. Поэтому для предлагаемого подхода центральное значение приобретает концепция «социального навыка», под которым понимается сложная комбинация когнитивных, эмоциональных и лингвистических приемов, позволяющих индивидам более или менее эффективно действовать в качестве квалифицированных стратегических акторов. Более операционально социальный навык определяется как способность обеспечивать кооперацию, призывая и помогая создавать разделяемые смыслы и коллективные идентичности.

Применение социальных навыков не является чем-то особенным и тем более уникальным. Это повседневная деятельность акторов по созданию смыслов, в процессе которой квалифицированные акторы стремятся поддерживать солидарность и позитивную социальную идентичность в условиях множества вызовов, чтобы стабилизировать поле или, наоборот, дать толчок важным изменениям.

Концепция социального навыка, первоначально введенная в обращение представителями символического интеракционизма [Мид, 2009], делает акцент на том, что индивиды и коллективные акторы обладают высокоразвитой когнитивной способностью понимать других людей и

инные обстоятельства, задавать рамки способов действия и побуждать других к действию в соответствии с более общими представлениями о мире и о самих себе. По сути, это одна из разновидностей власти, выражающаяся в способности задавать повестку, т.е. определять вопросы, которые подлежат обсуждению другими [Льюкс, 2010].

Одновременно подобный вид навыка позволяет акторам выйти за пределы индивидуальных или узкогрупповых интересов и принять роль другого как отправную точку для выработки более широкого понимания коллективной жизни и новых общих идентичностей. Социальный навык включает способность принять роль другого в ходе совместной деятельности, т.е. проявлять эмпатию и понимать ситуацию других участников, а на этой основе убеждать других действовать сообща. Убеждать других в том, что получаемое ими на деле и есть именно то, чего они хотят, можно разными способами, которые мы вправе назвать манипулированием. Можно «продать» другим группам какие-то ценности более высокого порядка, которые те будут готовы принять, или уверить членов других групп в том, что предлагаемые им стратегии хотя бы отчасти соответствуют их личным интересам.

Таким образом, опираясь на представление об экзистенциальных функциях социального и о социальных навыках, авторы выстраивают микрооснования своей теории, которые учитывают саму суть социальности человека и связанную с ней способность человека к стратегическому действию.

СИСТЕМА ВЗАИМОСВЯЗАННЫХ ПОЛЕЙ, ИЛИ МАКРООСНОВАНИЯ ТЕОРИИ

Говоря о макрооснованиях своей теории, Флигстин и Макадам всячески подчеркивают ключевую роль внешней среды. С этой точки зрения каждое отдельное поле рассма-

тривается как нечто укорененное в более широкой среде из множества других полей. Эти другие поля могут быть отдаленными или смежными, зависимыми или взаимозависимыми, государственными или негосударственными. Отношения между полями стратегического действия могут быть также трех разных типов: несвязанные, иерархические (зависимые) и реципрокные (взаимозависимые). Связи между полями стратегического действия поддерживаются повседневными взаимодействиями акторов этих полей. Поэтому степень близости или отдаленности полей определяется количеством непосредственных и опосредованных отношений между их участниками. Таким образом, авторы пытаются сформировать более системное представление макроуровня о взаимоотношениях между полями и более широкой средой поля, существенно влияющей на траекторию его развития. А вся социальная жизнь в их представлении начинает протекать в сложном сплетении множественных полей стратегических действий.

Сами поля тоже очень разные, они могут состоять из индивидов, групп, подразделений, формальных и неформальных организаций, отраслей, национальных государств и международных организаций. Но базовая структура любого поля стратегического действия не отличается от структуры любого другого поля. Система же полей организована сложным образом, по принципу русской матрешки. Организации выступают как участники полей стратегического действия, но одновременно сами представляют собой поля и вдобавок содержат внутри себя иерархию полей. Таким образом, каждый бюрократический уровень внутри организации предлагается рассматривать как отдельное поле стратегического действия, что, конечно, делает общую картину несколько сложной для представления и восприятия. Например, фирмы предстают перед нами как вложенные одно в другое поля стра-

тегического действия, между которыми существуют отношения иерархической зависимости. Каждое подразделение фирмы, неважно, производственное, обслуживающие или управленческое, в свою очередь, является полем стратегического действия. По сути, полем оказывается любая арена, занятая двумя и более группами, которые в своих действиях ориентированы друг на друга, — таково, по всей видимости, критериальное отличие поля стратегических действий от прочих образований.

По мнению авторов книги, с которым в данном случае трудно не согласиться, фактически невозможно охарактеризовать почти любое поле стратегического действия, не учитывая его связь с одним, а чаще с несколькими государственными полями. Государство в этом смысле оказывается эффективной формой коллективного действия, предназначенной для создания и управления разными полями. При этом государство ни в коем случае не является единым монолитным актором и, в свою очередь, представляет собой систему полей стратегического действия. Государственные поля обеспечивают желанную стабильность, позволяющую акторам в негосударственных полях не только нормально существовать, но и создавать новые поля стратегического действия. Наконец, авторы обращают наше внимание на постепенное разрастание государственных полей. Это разрастание мы, конечно, в России видим и сами. Но важно понимать, что российский опыт в данном случае не является чем-то исключительным.

Одним из главных вопросов всех социальных наук является вопрос о природе социальных изменений. И авторы уделяют немалое внимание тому, как изучаемые ими поля проходят через основные этапы своей эволюции — возникновение, воспроизводство, разрушение/кризис и повторное урегулирование. В этом отношении главный тезис авторов заключается в том, что возникновение и развитие поля подобно состоянию социального движения.

Очень важно, что изменения в данном поле могут проистекать не только из его внутренних конфликтов, но, даже чаще, из внешних источников и в результате внешних шоков — например, кризиса в смежных полях или вторжения новых влиятельных игроков из смежных полей. Иными словами, обычно серьезным толчком к изменениям становится не столько конкуренция внутри поля, сколько изменение условий этой конкуренции под влиянием акторов или событий за пределами данного поля стратегического действия.

Как впервые возникает то или иное поле стратегического действия? Возникающие поля можно представить в виде социального пространства, где еще нет готовых правил, но уже складываются взаимообусловленные интересы и картины мира, побуждающие акторов все чаще соотносить свои действия с действиями других участников. Здесь в качестве основных движущих сил совместно действуют четыре фактора — рост численности населения, технологический прогресс, темпы и масштабы социальной организации, а также влияние государства.

Институционализация нового поля имеет следующие признаки: коллективные акторы вырабатывают новые способы взаимодействия с другими акторами на основе изменившихся представлений о возможностях или угрозах; происходит выработка условий урегулирования, основанных на иерархии и/или сотрудничестве; появляются новые внутренние единицы управления, а также обеспечивается в том или ином виде содействие со стороны государства. Добавим, что организация полей почти неизбежно стимулирует возникновение или трансформацию других полей.

Каковы источники дестабилизации или разрушения существующего поля? К ним относятся: вторжение в данное поле влиятельных чужаков, серьезные изменения в других полях (прежде всего в смежных и взаимозависи-

мых) и редкие критические макрособытия (война, экономический кризис или эпидемия), которые дестабилизируют более широкий социальный, экономический или политический контекст.

Как обычно восстанавливается порядок в полях стратегического действия? Здесь либо происходит создание выигрышной коалиции из больших и влиятельных групп, в которые могут входить как доминирующие игроки, так и претенденты. Либо одной из групп удастся привлечь союзников из государственных полей и ратифицировать изменения «сверху», обеспечив в поле желанную стабильность.

Целая глава в книге посвящена двум историческим примерам, позволяющим продемонстрировать на конкретном материале применение предлагаемого подхода. Первый пример — противоборство по расовому вопросу в Соединенных Штатах в 1932–1980 годах (по всей видимости, написан Макадамом). Второй — подъем и упадок отрасли секьюритизации ипотеки в 1969–2011 годах, которая оказалась в центре финансового краха в Соединенных Штатах в конце 2000-х годов (вероятно, написан Флигстином). Оба примера, которые на первый взгляд не имеют между собой ничего общего, отражая исследовательские интересы двух авторов, далеки от нашего российского опыта, вместе с тем подробный разбор этих двух кейсов помогает проверить работоспособность изложенной в книге теории.

Завершая изложение основных идей книги, отметим, что авторы неоднократно сетуют на разрозненность усилий в социальных науках, но считают при этом, что еще «не все потеряно». Они не предъявляют претензий на создание своей личной гранд-теории, но, скорее, пытаются предложить теоретическую площадку для будущего сотрудничества самых разных направлений, считая чистый эмпиризм одним из наиболее опасных препятствий для такого сотрудничества.

Флигстин и Макадам предлагают содержательно разобратся в сути наших разногласий и вступить в кооперацию, применив свои социальные навыки, подобно тем квалифицированным социальным акторам, которых они описывают в книге. Теория полей стратегического действия используется авторами как рамка для обсуждения ключевых вопросов социологии — о роли власти и сотрудничества, о природе индивидуального и коллективного действия, о взаимосвязи структуры и действия, о природе социальных изменений и способах восстановления порядка.

Не уверен, что общее объединение в рамках социальных наук и даже отдельно взятой социологии в принципе возможно, но сама попытка заслуживает уважения. Попутно мы получаем шанс лучше понять суть социологии как науки. Социология показывает, как люди, взаимодействуя между собой, занимаются совместным производством смыслов собственного существования. Одновременно социология помогает эксплицировать часть этих смыслов, которые призваны объединить разных людей. Часто речь идет об объединении людей из определенных групп, которые, вырабатывая собственную коллективную идентичность, тем самым противопоставляют себя другим группам. Но иногда социология предлагает смыслы, тянущиеся поверх разных групп, объединяя людей с разными языками, верованиями, образовательным уровнем и материальным достатком.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АВТОРАХ КНИГИ

Начнем с более известного нам автора, труды которого мы прежде неоднократно переводили [Флигстин, 2001; 2003; 2007; 2021]. Нил Флигстин получил степень бакалавра по психологии в Рид-колледже, окончил магистратуру по социологии в Университете Висконсина, там же

получил докторскую степень. После окончания аспирантуры работал на факультете социологии Университета Аризоны, где и занял позицию профессора. В 1990 году была опубликована его основная эмпирическая работа «Трансформация корпоративного контроля» [Fligstein, 1990], где он изложил свои взгляды на историю развития крупных американских корпораций, сильно отличавшиеся от конвенциональных взглядов признанного в этой области классика А. Чандлера.

В 1991 году Флигстин перешел на факультет социологии Университета Калифорнии в Беркли, где пребывает и по сей день, одновременно возглавляя в качестве директора Центр культуры, организационных исследований и политики в Институте исследований труда и занятости. В 2002–2003 годах Флигстин стал одним из первых председателей секции по экономической социологии Американской социологической ассоциации. В 2011–2012 годах возглавлял секцию по компаративной и исторической социологии в данной ассоциации. Его книга «Архитектура рынков» [Флигстин, 2013], которую мы перевели ранее, стала значительным явлением в социологии на рубеже нового столетия. В ней была поставлена цель представить социологический подход к проблеме действия на рынках. Но проект был гораздо более амбициозен и представлял собой одну из немногих значимых попыток сформировать интегративное видение новой экономической социологии, подытожив результаты ее развития в течение последней четверти XX столетия. Речь шла даже не о социологической теории рынков как таковой, а об «объединяющей концептуальной схеме», с помощью которой социологи могут анализировать рынки. «Архитектура рынков» не осталась незамеченной в профессиональном сообществе, став предметом множества рецензий и обсуждений. В 2003 году она получила премию имени Вивианы Зелизер как лучшая книга по экономической социологии.

Из более поздних работ упомянем книгу Флигстина «Еврокляш: Европейский союз, европейская идентичность и будущее Европы», показывающую неоднозначность политики государств Евросоюза и ее нередкое расхождение с реальными экономическими результатами объединения [Fligstein, 2008].

Даг Макадам российскому читателю знаком меньше и, насколько мне известно, переводится на русский язык впервые. Он окончил бакалавриат по социологии в Западном колледже в Лос-Анджелесе. Получил магистерскую, а затем и докторскую степень по социологии в SUNY at Stony Brook. С 1979 года работал на факультете социологии в Университете Джорджа Мейсона, в 1983 году перешел на факультет социологии Университета Аризоны, где, кстати, работал и его будущий соавтор Нил Флигстин. И наконец, в 1998 году получил позицию профессора факультета социологии в Стэнфордском университете.

В творческом тандеме с Флигстином, тяготеющим к новому институционализму, Макадам «отвечает» за подходы, связанные с изучением социальных движений. Еще в начале 1980-х годов он написал одну из первых книг по теории политического процесса в социальных движениях [McAdam, 1982], которая была переиздана в 1999 году. Продолжающая эту тему книга «Лето свободы» получила престижную премию имени Ч. Миллса [McAdam, 1988]. В 2001–2005 годах Макадам работал директором Центра перспективных исследований в области поведенческих наук, а с 2006 года возглавлял направление урбанистических исследований Стэнфордского университета. В 2003 году был избран в Американскую академию искусств и наук. В 2013 году отмечен Университетом Висконсина премией «Выдающийся ученый». После совместного труда с Флигстином продолжил свою основную тему, опубликовав вместе с Кариной Клус книгу «Глубоко разделенные: расовая политика и социальные движения в послевоенной Америке» [McAdam, Kloos, 2014].

Завершая на этом наше предисловие, мы выражаем надежду на то, что издание «Теории полей» на русском языке привлечет внимание квалифицированного читателя.

Вадим Радаев, февраль 2022 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Вебер М.* 2005. Хозяйство и общество. Глава II: Основные социологические категории хозяйствования // Экономическая социология. Т. 6. № 1. С. 46–68.
- Вебер М.* 2016–2019. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Бурдые П.* 2004. Различение: социальная критика суждения (фрагменты книги) // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН. С. 537–567.
- Бурдые П.* 2005. Поле экономики // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / под ред. Н.А. Шматко. М.: Алетейя. С. 129–176.
- Льюкс С.* 2010. Власть: Радикальный взгляд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ.
- Мид Дж.Г.* 2009. Разум, Я и общество (главы из книги) // Мид Дж.Г. Избранное: сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии. М.: ИНИОН. С. 138–289. (Теория и история социологии).
- Олсон М.* 1995. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: Фонд экономической инициативы.
- Радаев В.В.* 2011. Кому принадлежит власть на потребительских рынках: отношения розничных сетей и поставщиков в современной России. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Радаев В.В., Юдин Г.Б.* (сост. и науч. ред.). 2014. Классика новой экономической социологии. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Скотт Р.* 2007. Конкурирующие логики в здравоохранении: профессиональная, государственная и менеджеральная // Экономическая социология. Т. 8. № 1. С. 27–44.
- Флигстин Н.* 2001. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология. Т. 2. № 4. С. 28–55.
- Флигстин Н.* 2003. Рынки как политика: политико-культурный подход к рыночным институтам // Экономическая социология. Т. 4. № 1. С. 45–63.
- Флигстин Н.* 2007. Государство, рынки и экономический рост // Экономическая социология. Т. 8. № 2. С. 41–60.
- Флигстин Н.* 2013. Архитектура рынков: экономическая социология капиталистических обществ XXI века. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Флигстин Н., Фогел С.* 2021. Политическая экономия после неолиберализма // Экономическая социология. Т. 22. № 4. С. 35–48.

- Bourdieu P.* 2005. Principles of Economic Anthropology // Smelser N., Swedberg R. (eds). The Handbook of Economic Sociology. 2nd ed. Princeton: Princeton University Press. P. 75–89.
- DiMaggio P.* 1988. Interest and Agency in Institutional Theory // Zucker L. (ed.). Institutional Patterns and Organizations: Culture and Environment. Cambridge, MA: Ballinger Publishing. P. 3–21.
- Fligstein N.* 1990. The Transformation of Corporate Control. Cambridge: Harvard University Press.
- Fligstein N.* 2008. Euroclash: The EU, European Identity, and the Future of Europe. Oxford: Oxford University Press.
- McAdam D.* 1982. Political Process and the Development of Black Insurgency, 1930–1970. Chicago: University of Chicago Press.
- McAdam D.* 1988. Freedom Summer. N.Y.: Oxford University Press.
- McAdam D., Kloos K.* 2014. The Origins of Our Fractured Society: Racial Politics and Social Movements in Post-War America. N.Y.: Oxford University Press.

БЛАГОДАРНОСТИ

ЭТА книга знаменует завершение очень долгого пути. Говорить о ней мы начали еще в конце 1980-х годов, когда оба автора были только что зачислены в штат сотрудников Аризонского университета. Тогда Даг работал над книгой «Лето свободы», а Нил — над книгой «Трансформация корпоративного управления». Обсуждение этих проектов и наших прошлых исследований привело нас к поразительному заключению: мы заметили, что во многом работаем над одной и той же типичной социологической проблемой. Если максимально обобщить, нас обоих интересовали вопросы стратегического действия, а также стабильности и изменений в возникающих или устойчивых «полях». В случае движения за гражданские права нас занимал вопрос о том, как сочетание международных и внутренних процессов изменений в середине XX века нарушило стабильность целого ряда устойчивых полей, включая международную систему национальных государств, конституционное право Соединенных Штатов, а также поле демократической партии, в результате чего борцы за гражданские права приобрели достаточное влияние, чтобы требовать серьезных перемен в позиции правительства по расовому вопросу. В конечном счете эти перемены позволили активистам борьбы за

гражданские права, в число которых входили организаторы и участники проекта «Лето Свободы», успешно оспорить всю систему расовой политики Соединенных Штатов.

Сходным образом, как мы заметили, возникновение крупных корпораций в Соединенных Штатах стало результатом серии тяжелых экономических кризисов, во время которых владельцы крупных корпораций нашли способы создать новую версию «мира рынка». Чтобы сделать свой мир более устойчивым, они изобрели современную корпорацию с присущими ей идентичностями, тактикой и стратегией. Двадцатый век продолжил поставлять корпорациям внешние шоки, а в ответ они находили новые способы создавать инновации и новые миры (и рынки).

Опираясь на замеченные нами общие черты наших предметов исследования, мы инициировали ряд обсуждений, которые растянулись на несколько лет. Мы подумывали о том, чтобы написать совместную книгу, но так и не могли к ней приступить из-за загрузки по множеству других проектов. Наконец, весной 1990 года, когда Нил принял предложение о работе в Калифорнийском университете в Беркли, мы собрались с силами. Задавшись целью перенести наши основные идеи на бумагу, мы провели лето и осень 1990 года в лихорадочных усилиях, итогом которых стало около ста пятидесяти страниц текста. Эта рукопись легла в основу данной книги. Разумеется, за время, прошедшее после 1990 года, многие наши представления существенно изменились, но все же эта книга остается весьма близкой по форме и духу к своему первоначальному варианту.

Имея в запасе наши сто пятьдесят страниц, мы не раз пытались вернуться к рукописи, но положение затруднялось тем, что мы жили в разных городах. Кроме того, каждый из нас время от времени участвовал то в одном, то в другом крупном проекте, что не позволяло уделить достаточно внимания книге. Итак, 1990-е годы прошли, а рукопись книги все еще существовала только в виде элек-

тронного документа. В 2003 году мы снова предприняли попытку завершить книгу, но не продвинулись дальше первых двух глав. Вместе с тем некоторые идеи, которые вдохновили первоначальную версию книги, начали проникать в научное сообщество. Широкое распространение получили несколько версий написанной нами обобщающей статьи «Политико-культурный подход к проблеме стратегического действия». Мы представили эту статью на ряде мероприятий, включая Асиломарскую конференцию при поддержке Стэнфордского центра по исследованиям организаций, совместно выступили на встречах Американской социологической ассоциации (несколько раз) и по отдельности — в различных университетах по всей стране. Все это время ключевые идеи проекта продолжали обогащать и направлять собственную исследовательскую работу каждого из нас. Мы передавали фрагменты исходной рукописи студентам, которые использовали их в своих диссертационных проектах. Кроме того, множество других студентов узнали о ключевых идеях нашего проекта из курсов, которые мы вели. В конечном счете некоторые из наших идей все же добрались до публикации. Нил опубликовал изложение сути теории стратегического действия — теорию социального навыка — в двух работах, одна из которых вышла в журнале *American Behavioral Scientist* в 1989 году, а вторая — в журнале *Sociological Theory* в 2001 году. Многие из наших ключевых постулатов также нашли место в различных работах Дага, включая расширенное введение к изданию 1999 года его книги «Политический процесс и развитие черного сопротивления, 1930–1970 годы». Наконец, в 2011 году в журнале *Sociological Theory* вышла наша совместная статья с кратким изложением нашей теории.

В интересующих нас предметных областях — исследованиях социальных движений, политической социологии, социологии организаций и экономической социологии —

другие ученые начали обращаться к проблеме создания социальных порядков мезоуровня. В начале 1990-х годов ученые, работающие в направлениях институциональной теории рационального выбора, а также социологического и исторического институционализма, стали замечать сходство своих теоретических проектов. Хотя их усилия и не увенчались созданием общей теории, в ряде направлений социологии и политической науки были получены важные результаты. В исследованиях социальных движений значимое место заняли в числе прочих концепции политических возможностей, культурного фрейминга и эпизодов противоборства. Исследователи социальных движений и сторонники теории организаций все чаще вступали в диалог — диалог, в котором мы оба активно участвовали, — и этот плодотворный обмен привлек внимание к нескольким вопросам, которые мы рассматриваем в этой работе. Примерно тогда же началось сближение с рядом специалистов по сетевому анализу, которые предприняли попытки смоделировать более динамическое представление о социальном порядке мезоуровня.

В тот же период (то есть в начале 1990-х годов) мы впервые познакомились с работами Пьера Бурдьё. Мы с большой симпатией относимся к намеченному им исследовательскому проекту. Стало понятно, что нас интересовали во многом те же вопросы, которыми занимался Бурдьё. Читателю не стоит удивляться, если он заметит в этой книге существенную близость нашей позиции и работ Бурдьё. Мы черпали идеи из разных направлений, и, что не менее важно, оказалось, что их ключевой посыл убедительно подкрепляет некоторые из наших собственных идей. Такое подтверждение, как ничто иное, вдохновило нас на напряженную работу над книгой в течение последних трех лет.

Мы полагаем, что все эти исследователи, работающие в рамках множества разных дисциплин, направлений, а

также методологических и теоретических установок, сошлись во мнениях потому, что каждый из нас, сам к тому не стремясь, сформулировал один и тот же набор фундаментальных положений об устройстве социальной жизни. Проблема социального порядка мезоуровня и создания полей стратегических действий является центральной проблемой социальной науки, которая стремится объяснить, как люди участвуют в коллективном действии, как они конструируют возможности для него, какие навыки они привлекают для решения этой задачи, почему они время от времени добиваются успеха и что они делают в случае успеха, для того чтобы стабилизировать и удержать достигнутый порядок. Это важнейшие вопросы для понимания того, как люди совершают политические изменения, создают новый продукт, способный завоевать рынок, оспаривают существующие законы за счет лоббирования в правительстве, а также как акторы поддерживают устойчивый иерархический порядок в популярной музыке, высокой кухне или любом другом культурном поле. Именно эта глубинная социологическая проблема лежит в основе нашей работы. В связи с этим мы рады возможности заявить, что изучали созданный за последние годы обширный и объемный пласт работ по данным темам и внесли сюда свой вклад. Мы учились на этих работах, что-то брали из них и стремились привнести в них что-то свое. Мы вернулись к рукописи книги, чтобы прояснить некоторые из представленных в литературе критических соображений и наконец свести воедино и проработать разные ответвления наших собственных рассуждений.

Ввиду исключительно долгого вынашивания замысла этой книги можно назвать множество людей и организаций, перед которыми мы чувствуем себя в долгу. Факультет социологии в Аризонском университете предоставил нам обоим чудесную возможность развиваться и пробовать себя. На наш ход мысли во многом повлияли наши

коллеги по университету, в том числе Майк Хаут, Стэн Либерсон, Эл Бергесен, Билл Севел, Лиз Клеменс, Вуди Пауэлл, Дебра Фридман, Майкл Хектер, Дэвид Сноу, Роберто Фернандес, Марк Шнейберг, Кэл Морил и Харрисон Уайт. Нил выражает благодарность своим коллегам по Калифорнийскому университету в Беркли Крису Анселу, Стиву Веберу, Эрни Хаасу, Лоику Вакану, Элизабет Армстронг, Шону Страйкеру, Джейсону Макниколу, Дагу Гатри, Ричарду Аруму, Тайкзиму Шину, Басаку Кусу, Фредерику Меранду, Даррену Ною, Стефани Мадж, Адаму Голдстену, Джейкобу Хабинеку и Стиву Вайси за множество дискуссий на протяжении нескольких лет. Нилу повезло организовать и в течение последних 13 лет вести семинар в Центре культуры, организации и политики Калифорнийского университета. Многочисленные участники семинара повлияли на подход, представленный в этой книге, и в то же время испытали на себе его влияние. Нил также многое вынес из дискуссий разных лет с участием Джона Мейера, Дика Скотта, Алека Стоуна Свита, Уэйна Сэндхолза, Вольфганга Стрика, Пола Пирсона, Вуди Пауэлла (еще раз) и Кэти Телен. За долгие годы зарождения этой книги Дагу повезло работать с рядом других коллег — в их числе Чак Тилли, Сид Тарроу, Дейв Сноу, Сара Соул, Лори Эдельман, Джек Голдстоун, Джон Маккарти, Майер Залд, Дик Скотт, Билл Сьюэлл, а также Джерри Дэвис, — которые во многом определили его представления по затронутым в книге вопросам. С момента начала работы Дага в Стэнфордском университете в 1998 году неизменным источником новых идей служил продолжавшийся на момент выхода книги семинар по политической социологии под руководством Сьюзен Олзак и Энди Уолдера.

Мы также выражаем огромную признательность нашему редактору в издательстве Оксфордского университета Джеймсу Куку, который сразу поверил в наш проект,

и четверым анонимным рецензентам, которые прочли и прокомментировали раннюю версию рукописи для Оксфордского университета и еще одного издательства. Все четыре рецензии были незаурядными, преимущественно положительными, поразительно конструктивными и, что самое важное, содержали ценную критику, которая подтолкнула нас к разрешению целого ряда вопросов и уточнению наиболее оригинальных элементов нашей теории. Мы провели большую часть года за переработкой рукописи с учетом полученных рецензий. Убеждены, что благодаря этим усилиям наш текст стал значительно сильнее. Если это так, то львиная доля заслуг принадлежит нашим рецензентам. Мы не знаем их имен, но надеемся, что они прочтут эту благодарность и поймут, насколько мы перед ними в долгу.

Наконец, продолжительность нашего предприятия почти в точности совпадает с периодом времени, когда у нас обоих появились семьи. Забота о близких, пожалуй, внесла свой вклад в долгую задержку на пути к плодотворному завершению нашего проекта. Но мы не хотели бы ничего изменить. По большому счету близкие были — и остаются — самой насыщенной и самой важной частью наших жизней. Именно им мы посвящаем эту книгу.

Глава 1

Суть нашего подхода

ОБЪЯСНЕНИЕ социальных изменений и социального порядка — одна из вечных проблем социальной науки. Главная цель этой книги — представить целостную теорию, которая объясняет, как действия социальных акторов порождают стабильность и изменения в условиях определенных социальных ограничений. При разработке нашего подхода мы опирались на внушительный пласт работ, выполненных в недавний период в рамках таких направлений, как экономическая социология, институциональная теория в социологии и в политической науке, а также исследования социальных движений. В дополнение к этим основаниям мы вводим в теорию ряд новых важных элементов. Далее в данной главе мы наметим основные особенности нашего подхода и покажем, чем его новые элементы отличаются от существовавших прежде. Но для начала выделим три главных компонента нашей теории. Во-первых, в основу теории положено представление о *полях стратегических действий* (strategic action fields), которые можно определить как социальные порядки мезоуровня и которые выступают основным структурным элементом политической и организационной жизни в современной экономике, гражданском обществе и государстве. Причины стабильности и изменений на уров-

не отдельных полей рассмотрены в работах ряда исследователей, в том числе [Bourdieu, Wacquant, 1992; DiMaggio, Powell, 1983; Димаджо, Пауэлл, 2014; Fligstein, 1996; 2001b; Флигстин, 2004; 2013; Martin, 2003; Scott, Meyer, 1983].

Во-вторых, мы рассматриваем каждое отдельное поле как укорененное в более широкой среде из множества *смежных* и *отдаленных полей* (proximate or distal fields), а также государственных структур, которые, в свою очередь, тоже являются сложными системами полей стратегических действий. Многие возможности и вызовы, с которыми сталкивается поле, проистекают из его отношений с этой внешней средой. Кризисы и возможности для конструирования новых или трансформации существующих полей стратегических действий обычно возникают в ходе дестабилизирующих изменений, происходящих в смежных государственных и негосударственных полях. Наконец, самую важную часть теории составляет раскрытие того, как укорененные в данном поле социальные акторы меняют это поле и поддерживают в нем социальный порядок. В то время как многие другие теории ставят на первое место интересы и власть, мы полагаем, что на самом деле стратегическое действие в полях возникает в результате сложного сочетания материальных и «экзистенциальных» соображений. Опираясь на представление об «экзистенциальных функциях социального», мы выстраиваем микрооснование теории, которое учитывает саму суть социальности человека и связанную с ней способность человека к стратегическому действию. В свою очередь, это микрооснование помогает сформировать нашу концепцию «социального навыка», который мы определяем как интерессубъективное размышление и действие, задающее набор смыслов, интересов и идентичностей для достижения коллективно значимых целей.

При разработке нашего подхода мы во многом опирались на опыт эмпирических и теоретических исследова-

ний в таких областях, как изучение социальных движений, теория организаций, экономическая социология, а также исторический институционализм в политической науке. За последние 15 лет появился обширный корпус работ на стыке теории организаций и исследований социальных движений (среди прочих см., например: [Armstrong, 2002; Binder, 2002; Brown, Fox, 1998; Campbell, 2005; Clemens, 1997; Clemens, Minkoff, 2004; Creed, 2003; Cress, 1997; Davis et al., 2005; Davis, McAdam, 2000; Davis, Thompson, 1994; Dobbin, Sutton, 1998; Fligstein, 1990; 1996; Флигстин, 2004; Haveman, Rao, 1997; Jenkins, Ekert, 1986; Kurzman, 1998; Lounsbury, Ventresca, Hirsch, 2003; McAdam, Scott, 2005; McCammon, 2001; Minkoff, 1995; Moore, Hala, 2002; Morrill, Zald, Rao, 2003; Rao, 2009; Rao, Morrill, Zald, 2000; Schneiberg, Soule, 2005; Smith, 2002; Strang, Soule, 1998; Stryker, 1994; Swaminathan, Wade, 2001; Weber, Rao, Thomas, 2009]). Во всех этих направлениях — будь то теория социальных движений, экономическая социология или институциональный подход в политической науке — исследователи пытаются понять, как организациям удастся контролировать и менять свою внешнюю среду. Все стараются разобраться, как устанавливаются «правила игры» и кто в результате становится победителем или проигравшим. В основе всех подобных поисков лежит фундаментальная проблема коллективных стратегических действий. Все эти исследователи стремятся понять, каким образом акторам удастся сотрудничать даже в ситуациях конфликта и конкуренции и как подобная кооперация может приводить к возникновению более масштабных арен действий (*arenas of action*). Всем очевидно, что во времена значительных перемен возникают новые способы организации «культурных рамок» и «логик действия» (*logics of action*). Их вырабатывают квалифицированные социальные акторы, иногда называемые институциональными предпринимателями, цель которых — привносить нечто новое, про-

двигать изменения и налаживать работу полей стратегических действий.

Однако, несмотря на взаимное внимание и многочисленные отсылки к работам из смежных направлений, набирает силу тенденция к специализации в рамках своей дисциплины и ее более узких областей, что разобщает научную мысль, затрудняет синтез и построение обобщающих теорий. Если говорить только о социологии, разделение труда между ее направлениями превратило большинство из нас в специалистов по эмпирическим исследованиям, а специфичные для каждой области понятия, идеи и даже методы по большей части лишь затрудняют создание целостного дискурса. Специализация эмпирических исследований, несомненно, принесла определенную пользу. Но у нее есть свои пределы. На наш взгляд, стоит внимательнее изучить то общее, что объединяет области социологического знания. Мы уверены, что истоки большинства примененных в этой книге концепций можно обнаружить в исследованиях социальных движений, экономической социологии и институциональном анализе в политической науке. Это объясняется тем, что исследователи в каждой из этих областей открыли свой особый аспект фундаментальной социальной реальности, составляя вместе своего рода общую теорию социального действия, элементы которой мы привлекаем для построения нашего теоретического подхода.

Полезно посмотреть, что объединяет эти исследовательские направления. Все они обращают внимание на возникновение, урегулирование/институционализацию и изменение социально конструируемых арен действия, в которых укоренные акторы конкурируют за материальные и статусные вознаграждения. Политическая социология преимущественно концентрируется на изменениях и устойчивости институтов и учреждений государства и их взаимосвязях с гражданским обществом. Была продела-

на большая работа, чтобы показать, что государство действует как совокупность организаций, а влиятельные негосударственные акторы пытаются решать свои проблемы за счет государства (см., например: [Evans, Rueschemeyer, Skocpol, 1985; Laumann, Knoke, 1987]). В свою очередь, исследователи социальных движений преимущественно изучали, как воспринимаемые «угрозы и возможности» уско-ряют мобилизацию новых акторов, способных дестабилизировать ранее сложившиеся социальные институты и поля [Goldstone, 2004; McAdam, 1999; Tarrow, 2011; Tilly, 1978]. Теория организаций обычно занимается проблемами возникновения и распространения формальных организаций и тем, какую роль в этом процессе играют внешняя среда, ключевые акторы и государство [Scott, 2001]. Экономическая социология сосредоточена на формировании рынков, а также на роли фирм и государства в их конструировании [Fligstein, 2001*b*; Флигстин, 2013]. Исторический институционализм в политической науке стремится проследить возникновение институтов в ответ на постоянно возникающие конфликты и проблемы координации и объяснить, как они воспроизводятся (или не воспроизводятся) с течением времени [Mahoney, Thelen, 2009; Pierson, 2004; Steinmo, Thelen, Longstreth, 1992].

Во всех этих направлениях внимание исследователей привлекает способность акторов участвовать в успешном коллективном стратегическом действии в рамках конструируемых социальных порядков. Область действия, в которой функционируют все эти коллективные акторы, мы называем полем стратегических действий, когда область внятно определена, или неорганизованным социальным пространством, когда у области отсутствуют явно очерченные границы.

Кроме того, исследователи во всех этих направлениях уделяют особое внимание государству. Применительно к политической социологии и исследованиям социаль-

ных движений природа этого интереса очевидна. В теории организаций и в экономической социологии государство рассматривается преимущественно как внешняя сила, которая устанавливает конституирующие правила для организаций, обеспечивает исполнение этих правил и создает среду, в которой действуют организации [Dobbin, 1994; Доббин, 2013; Fligstein, 1990]. После многих лет превознесения структуралистских подходов к изучению действия все эти направления одновременно переживают всплеск интереса к роли культуры. В последние годы культура как понятие незаметно вернулась в политическую социологию и в политическую науку (особенно в исторический институционализм). Понятие культуры также является центральным для институционального подхода в теории организаций [Powell, DiMaggio, 1991]. Начиная с середины 1980-х стал очень заметен поворот к культуре в изучении социальных движений, выразившийся прежде всего в повышенном интересе к роли процессов фрейминга (framing processes) в коллективном действии [Snow et al., 1986]. Но, как мы покажем далее, социологам не удалось далеко продвинуться в концептуализации социального пространства; к тому же понятие культуры, используемое в современных работах по упомянутым научным направлениям, оказалось во многом обедненным. Далее в этой главе мы еще вернемся к данному вопросу.

Проблема состоит в том, что отдельные элементы упомянутых выше направлений — коллективное действие, социальное пространство, культура, организация, государство и мобилизация — ни в одном из них не объединены в целостную теорию. Как правило, исследователи не ограничиваются изучением какого-то одного эмпирического явления, но пытаются также выработать теоретический взгляд, который, однако, принимает в расчет лишь часть этих элементов. Это объясняется тем, что каждое такое направление нередко требует сосредоточения на весьма

узко определенных эмпирических явлениях. Но, как следствие, исследователи почти не занимаются построением теорий, предлагающих более общий взгляд на проблему и соединяющих все эти элементы в некую систему. Именно в этом в значительной степени и состоит задача нашей работы.

Кроме того, мы также хотим переосмыслить проблемы взаимосвязи действия и структуры [Giddens, 1984; Гидденс, 2003; Sewell, 1992], а также связей между макросоциальными процессами и взаимодействиями на микроуровне [Alexander et al., 1987; Coleman, 1986]. В социологии принято постулировать, что люди опутаны социальными структурами, которые они не могут контролировать и которые существуют на другом уровне — выше или вне досягаемости. Такое допущение оставляет людям слишком мало пространства для автономных действий и превращает их в чистые объекты контроля со стороны внешних социальных сил. В качестве примеров подобных структур назовем классовую систему и патриархат. Авторы, изучавшие проблему связей макро- и микроуровней и, в частности, проблему структуры/действия, стремились понять, как же индивидам удается действовать вопреки макропроцессам и/или структурным ограничениям. Они также пытались разобраться, при каких условиях акторы извлекают для себя пользу, а при каких — проигрывают в соперничестве со структурами; при каких они способны успешно противостоять структурам и создают альтернативные порядки.

Хотя эти изыскания помогли прояснить ряд вопросов, в целом они остались крайне абстрактными по своим ориентациям. Например, дискуссии о соотношении структуры и действия удачно высветили тот факт, что структурные подходы недооценивают роль акторов в воспроизводстве повседневной жизни [Giddens, 1984; Гидденс, 2003]. Каждый раз, отправляясь на работу, мы воспроизводим ту роль, которую играем в системе трудовых отношений.

Если хотя бы некоторые из нас решат не ходить на работу, значительная часть социальной жизни вскоре остановится. Однако в ряде других отношений дебаты о структуре и действии оказались не так плодотворны. Дискуссия велась на столь абстрактном уровне и была настолько оторвана от эмпирических исследований, что не породила ни одного нового исследовательского направления в социологии. В результате центральные понятия — структура и действие — остаются недостаточно четко определенными с эмпирической точки зрения. Несмотря на усиленное внимание к идее сопротивления акторов воздействию структур, очень невелико продвижение к собственно социологическому пониманию того, как акторы своими действиями подкрепляют структуру и какова их роль в поддержании или изменении структуры с течением времени. Мы только приступаем к теоретическому осмыслению сложной динамики возникновения и институционализации, стабильности и изменений, разрушения и урегулирования в конструируемых социальных мирах. Хотя исследователями и предложена идея институциональных предпринимателей как агентов изменений, мало кто задумывался, какой именно вид социальных процессов и навыков помогает им получать желаемое или успешно противостоять власти других акторов. Налицо также недостаточное внимание к тому факту, что возможности и ограничения, задающие перспективы стратегических действий в социальных полях, решающим образом зависят от сложного переплетения связей конкретного поля стратегических действий с другими государственными и негосударственными полями.

В трудах по теории организаций, в историческом институционализме и экономической социологии все эти вопросы затронуты самым непосредственным образом. Их авторы стремились понять, как актерам удается создавать устойчивые социальные миры мезоуровня. Исследова-

тели, работающие в данных направлениях, долго и напряженно размышляли о том, как строятся, поддерживаются и разрушаются подобные порядки. Они выяснили, что самый плодотворный способ продвинуть дискуссию о действии и структуре — создать теорию действия мезоуровня, а для этого необходимо определиться с социологической теорией акторов. В теории действия мезоуровня предполагается, что действие совершается как между организованными группами, так и внутри них. Мы считаем, что более четкое понимание роли социальных акторов в производстве, воспроизводстве и трансформации своих локальных полей действий даст эффективный инструмент для изучения множества основополагающих проблем социальной жизни.

Наконец, рассмотренные выше научные направления объединяет стремление разрешить проблему социальных изменений. С одной стороны, многие аспекты социальной жизни кажутся совершенно неизменными на протяжении жизни человека и даже нескольких поколений. С другой стороны, изменение часто принимается как неотъемлемая часть социальной жизни. На наш взгляд, между этими двумя взглядами нет противоречия. Мы полагаем, что стабильность относительна и достигается лишь за счет напряженных усилий акторов по воспроизводству своего локального социального порядка. Таким образом, даже в более или менее стабильной обстановке акторы вовлечены в непрерывный процесс корректировок (*adjustments*), в ходе которого происходит частичное изменение конструируемых социальных миров. Квалифицированные социальные акторы стремятся улучшить свое положение в существующем поле стратегических действий или защитить свои привилегии. В известной степени изменения происходят непрерывно.

Еще труднее оказался вопрос возникновения новых социальных «арен», или полей. Здесь мы имеем дело сразу с двумя смежными задачами. Первая задача — определить условия, при которых происходит появление нового.

Вторая задача — создать теорию действия, реализуемого в этом процессе. *Как* создаются новые поля, кто их создает и с какими целями? Если вести отсчет хотя бы с 1960 года, мы увидим, что ответ искали многие авторы в политической науке, политической социологии, теории организаций, теории социальных движений и в экономической социологии. В последнее время в ряде подходов начали придавать особое значение роли фрейминга и предпринимательства. Любопытно, что в итоге исследователи разных направлений, *не сговариваясь*, поместили именно эту пару элементов в центр своих трактовок проблемы соотношения микро- и макроуровней, а также соотношения структуры и действия. Такой пример конвергенции подходов внушает надежду на возможность выработки единого теоретического представления о стратегическом коллективном действии в социальных полях.

В этой книге мы намерены предложить общую теорию социального изменения и стабильности на основе представления о том, что социальная жизнь протекает под воздействием сложного сплетения полей стратегических действий. Надеемся, что наш подход заполнит значительный концептуальный пробел в современной социальной теории. В социологии теория оказалась самостоятельной областью, почти полностью отделенной от эмпирических исследований. По замечанию Габриэля Абенда, в ней существует не менее семи различных представлений о том, что такое теория [Abend, 2008]. По мере появления новых областей исследований множилось и число специализированных теоретических схем, призванных объяснить то или иное изучаемое эмпирическое явление. В результате сегодня в нашем распоряжении есть обособленные «теории» (а точнее, векторы исследований) социальных движений, организаций, религии, культуры и т.д. Но все чаще мы понимаем, что этого мало, что эти теории недостаточно общие, чтобы охватить в целом структуру современного общества и

задающие ее формы действия. Предложенный здесь подход, надеемся, поможет в разрешении этой проблемы.

Безусловно, *есть* ряд теорий, которые предлагают достойные альтернативы нашему подходу. В их числе — новая институциональная теория в исследовании организаций, теория «структуриации» Энтони Гидденса и самое близкое к нашему подходу исследование Пьера Бурдьё о роли габитуса, поля и капитала в социальной и политической жизни. Мы привлекаем отдельные элементы этих альтернативных подходов и с уважением относимся к научным притязаниям их авторов. В то же время мы полагаем, что ни одна из этих альтернатив не решает стоящую перед нами задачу — объяснить структуру и выявить источники изменения и стабильности институциональной жизни в современном обществе.

Для начала мы кратко обозначим ключевые компоненты нашей теории. Затем на их основе изложим свое видение причин появления, устойчивости и изменения полей. В завершение мы приведем критический разбор некоторых альтернативных теорий в современной социологии.

КЛЮЧЕВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ТЕОРИИ

В этом разделе мы обозначим и кратко опишем ключевые компоненты нашей теории. В последующих главах эти идеи будут рассмотрены подробнее. Мы выделяем следующие семь ключевых элементов.

1. Поля стратегических действий.
2. Доминирующие игроки (*incumbents*), претенденты (*challengers*) и управленческие единицы (*governance units*).
3. Социальные навыки и экзистенциальные функции социального.
4. Внешняя среда поля.
5. Экзогенные шоки, мобилизация и зарождение спора (*contention*).

6. Ситуации разногласий (противоборства).

7. Урегулирование (settlement).

Рассмотрим по очереди каждый элемент.

1. Поля стратегических действий. Мы придерживаемся позиции, что поля стратегических действий являются основными звеньями коллективного действия в обществе. Поле стратегических действий представляет собой сконструированный социальный порядок мезоуровня, к которому акторы (индивиды или коллективы) привязаны и в котором они взаимодействуют друг с другом на основе разделяемых (хотя и не консенсусных) пониманий о предназначении данного поля, отношениях к другим акторам в данном поле (включая то, кто и почему обладает властью), о правилах, регулирующих легитимные действия в поле. Устойчивым следует считать поле, в котором акторы способны воспроизводить свои позиции и само поле на протяжении достаточно продолжительного времени.

Все коллективные акторы (например, организации, кланы, цепи поставок, общественные движения, системы государственного управления), в свою очередь, состоят из полей стратегических действий. Когда эти поля организованы в формальную бюрократическую иерархию и каждое поле укоренено в других полях, получающаяся в итоге вертикальная система во многом напоминает матрешку: в каждое поле вложено множество меньших по масштабу полей. Так, например, отдельный офис данной фирмы представляет собой поле стратегических действий. Оно, в свою очередь, размещено в пределах более крупной структуры в фирме, скажем, в составе департамента. Последний соперничает за ресурсы с другими департаментами в структуре фирмы. В еще более широком контексте фирма взаимодействует со своими конкурентами и претендентами на лидерство. В свою очередь, они встроены в международное разделение труда. Каждое из этих полей стратегических действий создает социальный

порядок мезоуровня, и в этом смысле его полезно рассматривать как конструкцию из элементов социального порядка, перечисленных выше в описании нашего подхода. Связи между полями подчеркивают взаимозависимость полей стратегических действий и их несомненную способность запускать изменения в других полях. Мы покажем, что для всех полей эти связи являются одним из основных источников изменения и стабильности.

Первое положение нашей теории, принятое во многих версиях институционального подхода, состоит в том, что действие происходит внутри конструируемых социальных порядков мезоуровня. Эти порядки называют по-разному: *сектора* [Scott, Meyer, 1983], *организационные поля* [DiMaggio, Powell, 1983; Димаджио, Пауэлл, 2014], *игры* [Scharpf, 1997], *поля* [Bourdieu, Wacquant, 1992], *сети* [Powell et al., 2005] и, применительно к государству, *сферы политики* (policy domains) [Laumann, Knoke, 1987], а также *политические системы/подсистемы* [Sabatier, 2007]. В том, что касается экономики, *рынки* тоже можно рассматривать как особый вид конструируемого порядка [Fligstein, 1996; 2001b; Флигстин, 2004; 2013]. Со своей стороны, исследователи социальных движений рассматривают эти движения как вновь возникающие порядки, состоящие (в случае успеха) из ряда формальных организаций, поддерживающих движение, и неформальных групп активистов. Джон Маккарти и Майер Залд называют эти вновь возникающие порядки *индустриями социальных движений* (social movement industries) [McCarthy, Zald, 1973; 1977]. Движения также способны создавать *арены конфликта*, включающие в том числе группировки представителей движения, государственных акторов, медиа и противоборствующие группы [McAdam, 1999, ch. 5].

Хотя многие исследователи осознали необходимость рассматривать порядки мезоуровня как центральный элемент институционального устройства, их представления об этих полях сильно разнятся. Для Бурдьё «социаль-

ная власть» — основа как структуры, так и логики [действия] в каждом отдельном поле. В институциональной теории (например, [Jepperson, 1991]) поле скорее видится как культурно обусловленный социальный конструкт, при этом подчеркивается объединяющее воздействие разделяемого понимания ситуации среди «настроенных» друг на друга акторов, что в итоге создает «принимаемую как данность» реальность повседневной жизни.

В своем подходе мы хотим соединить социально-конструктивистские аспекты теории институтов с поиском источников стабильности и изменений в полях стратегических действий. Мы рассматриваем поля стратегических действий как социально конструируемые «арены», на которых акторы с разным объемом ресурсов борются за более выгодное положение [Bourdieu, Wacquant, 1992; Emirbayer, Johnson, 2008; Martin, 2003]. Социальное конструирование полей стратегических действий имеет три важных аспекта. Во-первых, принадлежность к полю гораздо сильнее зависит от субъективно воспринимаемого «позиционирования», чем от какого-либо объективного признака. Поэтому, например, хотя в США есть около 2500 колледжей и университетов с четырехгодичным курсом обучения, обычно все они не образуют единого поля стратегических действий. В то же время среди них есть подгруппа образовательных учреждений, участники которой соотносят свои действия друг с другом. Именно внутри такого, более узко определенного поля образовательные учреждения начинают конкурировать и сотрудничать друг с другом.

Границы поля стратегических действий не закреплены и меняются в зависимости от представления о ситуации и насущных проблемах. Например, представим, что Конгресс собрался провести радикальную реформу и принять закон, который грозит лишить все учреждения высшего образования налоговых льгот. Когда возникает подобный конфликт, узко определенное поле стратегических дей-

ствий уже не играет особой роли. Конфликт создает новое поле, куда войдут все 2500 колледжей и университетов, которые, скорее всего, объединятся и совместно выступят против законопроекта. Поля конструируются на ситуационной основе, когда те или иные группы акторов определяют новые проблемы и задачи как насущные и важные.

Наконец, самое главное: поля конструируются в том смысле, что они обращаются к набору пониманий, выработанных с течением времени участниками поля. Для описания подобных разделяемых пониманий (*shared understandings*) часто используется термин «институциональная логика» [Friedland, Alford, 1991; Scott, 2001]. На наш взгляд, это понятие слишком общее и расплывчатое, чтобы уловить набор разделяемых смыслов, который задает динамику поля. Мы различаем четыре вида разделяемых пониманий, определяющих ход взаимодействия на уровне поля. Во-первых, это более общее представление о том, что происходит в поле, что стоит «на кону» [Bourdieu, Wacquant, 1992]. В этом отношении мы вправе ожидать от акторов в сложившемся поле стратегических действий консенсуса по вопросу о том, что вообще происходит. Подобный консенсус не означает, что сложившееся распределение выгод в поле считается легитимным; суть лишь в том, что большинство акторов в поле разделяют общее понимание происходящего.

Во-вторых, в поле располагаются группы акторов, о которых можно сказать, что они обладают большей или меньшей властью. Здесь надо иметь в виду, что акторы занимают в поле некоторую позицию и, кроме того, имеют некое обобщенное представление о том, как их позиция соотносится с позициями других в данном поле стратегических действий. Можно представить себе это следующим образом: акторы знают, кто их друзья, кто — враги, а кто — конкуренты, именно потому, что знают, кто занимает соответствующие позиции в их поле.

В-третьих, существует набор разделяемых пониманий о природе «правил», действующих в поле. Имеется в виду, что акторы понимают, какие тактики возможны, легитимны и доступны в плане интерпретации для каждой из ролей в данном поле. Это не то же самое, что понимание общего положения дел. Здесь речь идет о культурно обусловленном представлении о том, какие виды действий и организации считаются легитимными и имеющими смысл в контексте данного поля.

Наконец, существует более широкая интерпретативная рамка (*interpretative frame*), которую создают индивидуальные и коллективные стратегические акторы, чтобы самим понимать, что делают другие участники поля стратегических действий. Здесь мы ожидаем встретить не единую для всех акторов схему (как это подразумевает концепция «институциональных логик»), а различные интерпретативные рамки, отражающие относительные позиции акторов в поле стратегических действий. Мы ожидаем, что акторы, скорее всего, будут оценивать действия других с точки зрения своего положения в поле. Например, в большинстве полей стоит ожидать, что доминирующие или давно закрепившиеся акторы примут ту систему взглядов (*frame of reference*), которая способствует сохранению трактовки поля в их интересах, тогда как занимающие подчиненное положение акторы и претенденты на лидерство примут или выработают «оппозиционную» точку зрения. Таким образом, реакции наделенных большей или меньшей властью акторов на действия других акторов отражают их социальную позицию в поле.

В общепринятой концепции институциональных логик перечисленные аспекты поля стратегических действий перемешаны. Это ведет к ряду проблем. Используя термин «институциональная логика» обычно преувеличивают масштабы консенсуса о том, что именно и почему происходит в поле, и сильно недооценивают роль

позиций разных акторов, процесса создания правил (в котором более сильные акторы имеют преимущество перед менее сильными), а также в целом роль власти в полях стратегических действий. Короче говоря, концепция институциональной логики не учитывает относительность позиций акторов в поле и их способность составлять оппозицию к другим акторам. Это понятие не объясняет, почему акторы с разными позициями в поле стратегических действий будут по-разному интерпретировать одни и те же события и по-разному реагировать на них, исходя из своей точки зрения.

Одно из ключевых различий между нашим подходом и большинством версий институциональной теории состоит в том, что в нашем подходе поля лишь изредка складываются вокруг по-настоящему консенсуальной и принимаемой как данность реальности. Преобладающая часть сторонников институционального подхода исходит из идеи рутинности социального порядка и его воспроизводства. В большинстве версий институциональной теории считается, что рутинное воспроизводство поля гарантировано тем, что все акторы преимущественно разделяют единое представление о своих возможностях и ограничениях и ведут себя в соответствии с ним. Если изменения когда-либо и происходят, то это случается относительно редко, и они почти никогда не являются результатом чьих-то намерений. Напротив, мы говорим о непрерывном маневрировании (*jockeying*) участников полей в силу состязательной природы (*contentious nature*) поля. Одни акторы совершают какие-то поступки, другим приходится их интерпретировать, перебирать свои возможные реакции и что-то предпринимать в ответ. Акторы, у которых есть и сильные, и слабые стороны, постоянно подстраиваются под обстоятельства, задаваемые их позицией в поле, а также действиями других акторов. Остается немалое пространство для рутинного маневрирования и частичных из-

менений в позициях, занимаемых акторами. Даже в относительно спокойные времена менее сильные акторы могут найти способы извлечь из системы свою выгоду и постоянно стремятся хоть немного улучшить свои позиции в поле. Непрерывные, незначительные по масштабу и постепенные изменения — вот норма для поля, в отличие от картины рутинного воспроизводства поля, рисуемой в большинстве версий институциональной теории.

Можно расширить этот подход. Вместо упрощенного различия установившихся и не установившихся полей (*settled and unsettled fields*) мы настаиваем на том, что даже в установившихся полях существует значительный разброс в том, что принимается как данность всеми участниками поля. Установившиеся поля следует рассматривать как континуум состояний, на одном конце которого — исключительно редкие поля стратегических действий с крайне высоким консенсусом по всем затронутым выше субъективным аспектам, а на другом — поля, которые, несмотря на множество несогласий и открытых конфликтов, долгое время сохраняют свою структуру. Если посмотреть на происходящее с каким-либо конкретным полем стратегических действий, нетрудно заметить, что со временем оно перемещается в пределах данного континуума, и это происходит тогда, когда кризис подрывает сложившиеся отношения и смыслы — и порядок устанавливается по-новому, с новыми отношениями и новыми группами участников. Если же поле ближе к полюсу урегулирования, конфликт здесь будет менее выраженным и воспроизводство позиций акторов потребует от них меньших усилий.

Но если многие условия в поле не определены или если относительная власть акторов примерно равна, то перед ними открывается значительный простор для маневрирования в поисках выгоды. В поле могут оказаться разрушены все смыслы, включая представление о том, какие позиции занимают теми или иными акторами, како-

вы правила игры и как акторы объясняют себе поведение других участников поля. В этой крайней точке мы покидаем континуум и переходим в сферу открытого конфликта, в котором само существование и структура поля стратегических действий становится предметом захватнических игр. Так может возникнуть совершенно новый порядок, в котором будут по-новому определены позиции игроков, правила игры и цели, преследуемые участниками поля стратегических действий. Задача нашей теории — понять, как появляются подобные порядки и почему они постоянно оспариваются и колеблются между большей и меньшей стабильностью и урегулированностью. Если коротко, мы предполагаем, что поля стратегических действий всегда находятся в подвижном состоянии, поскольку споры происходят непрерывно и всегда сохраняется некоторая степень угрозы сложившемуся положению дел. Состязательная сущность полей и непрерывное давление изменений в поле стратегических действий — вот отдельные совершенно новые элементы, которые мы привносим в наш теоретический подход.

В нашем подходе принимаются определенные допущения относительно того, как трактовать изменение и стабильность полей. Мы считаем полезным отличать кардинальные изменения при формировании или трансформации поля от частичных изменений, которые следуют из непрерывно случающихся в поле столкновений. Моменты более радикальных изменений было бы правильнее описывать в терминах процесса социальных движений, который мы рассмотрим далее. Более «долгоиграющий» источник изменений — результат периодически проводимого акторами маневрирования в борьбе за лучшие позиции в поле. Мы предполагаем, что, поскольку различные группы могут успешно оспорить положение дел в поле, возможность изменений никогда не исчезает. Подробнее этот вопрос будет рассмотрен в четвертой главе.

2. *Доминирующие игроки, претенденты и управленческие единицы.* Наше внимание к динамике конфликта/изменений и одновременно стабильности/порядка отражено в общей характеристике состава полей стратегических действий. Мы рассматриваем поля как состоящие из доминирующих игроков, претендентов и — очень часто — управленческих единиц. Впервые введенное Уильямом Гэмсоном [Gamson, 1975] различие доминирующих групп и претендентов уже долгое время составляет концептуальную основу теории социальных движений. Доминирующие игроки — это акторы, которые обладают непропорционально большой долей влияния в поле, именно их интересы и взгляды преимущественно получают отражение в доминирующей организации поля стратегических действий¹. Таким образом, предназначение и структура поля приспосабливаются к их интересам, а позиции в поле определяются их притязаниями на львиную долю материальных и статусных вознаграждений. Кроме того, правила поля задаются в их пользу, а разделяемые смыслы легитимизируют и поддерживают их привилегированную позицию в поле стратегических действий.

Претенденты, напротив, занимают в поле менее привилегированные ниши и обыкновенно лишь в малой степени влияют на происходящее в этом поле. Признавая природу поля и превосходство логики доминирующих игроков, они обычно все же могут сформулировать альтернативное видение поля и своего положения в нем. Однако это не значит, что претенденты непременно склонны к открытым выступлениям против неравноправия в поле и к настойчивой борьбе за продвижение оппозиционной логики. Напротив, большей частью они склонны подчи-

¹ На самом деле Гэмсон различал претендентов и *участников* (members), но термин «доминирующие игроки» (incumbents) закрепился как более распространенная альтернатива.

няться господствующему порядку, пусть, как правило, и неохотно, принимая то, что дает им система, в ожидании новой возможности оспорить ее структуру и логику.

Помимо доминирующих игроков и претендентов, в полях стратегических действий часто присутствуют *внутренние единицы управления*, в чьи обязанности входит следить за соблюдением действующих в поле правил и в целом обеспечивать относительно гладкое функционирование и воспроизводство системы. Важно отметить, что эти единицы являются *внутренними* по отношению к полю и отличаются от *внешних* государственных структур, в юрисдикции которых находится все поле стратегических действий или какая-то его часть. Почти в каждой отрасли есть своя деловая ассоциация. В системе высшего образования в Соединенных Штатах действуют различные аккредитующие органы, в полицейских управлениях есть отделы внутренней безопасности, а на рынках ценных бумаг — рейтинговые агентства. Важно, что почти все подобные управленческие единицы несут на себе следы влияния доминирующих игроков поля и тех идей, которые привлекаются для обоснования их господства. Несмотря на легитимизирующую риторику, объясняющую необходимость создания подобных единиц, обычно их цель состоит *не* в том, чтобы выступать нейтральными арбитрами в конфликтах между доминирующими группами и претендентами, а в том, чтобы укреплять преобладающую точку зрения (*dominant perspective*) и защищать интересы доминирующих игроков.

Присутствие этих управленческих единиц помогает доминирующим игрокам как минимум в трех отношениях. Во-первых, обеспечивая бесперебойное функционирование системы, они освобождают доминирующих игроков от необходимости управлять всем происходящим в поле, что им неизбежно приходится делать в период, когда поле стратегических действий только формируется. Во-вто-

рых, само присутствие этих единиц легитимирует и делает естественной логику и правила поля. Легитимация происходит по-разному. Часто управленческие единицы занимаются сбором и предоставлением сведений о поле доминирующим игрокам и претендентам. Они также создают стандартизованные версии этих сведений, которые все стороны могут использовать при принятии решений. Наконец, помимо своих внутренних функций, подобные единицы обычно выступают связующим звеном между полем стратегических действий и важными внешними полями. Так, отраслевые ассоциации обычно ищут могущественных союзников в различных государственных полях, в полномочия которых входит надзор за их полем стратегических действий. Если в поле начнется кризис, они смогут обратиться к этим союзникам за помощью. Короче говоря, в периоды конфликтов в поле стратегических действий управленческие единицы обычно выступают защитниками *status quo* и важной консервативной силой. Если различие доминирующих игроков и претендентов имеет долгую историю в теории социальных движений, то концепция *внутренних единиц управления* — очередной уникальный элемент предлагаемой нами теории.

Стабильность поля обычно достигается двумя способами: за счет установления иерархической власти одной доминирующей группы или за счет создания политической коалиции на основе кооперации нескольких групп. Ключевую роль здесь играет то, что именно ляжет в основу поля стратегических действий — принуждение, конкуренция или кооперация. Следует заметить, что на практике поля содержат некоторую комбинацию всех трех подходов, но их полезно различать в качестве идеальных типов. Принуждение означает угрозу применения или фактическое применение физической силы либо отказ в доступе к ценным ресурсам. Конкуренция имеет место, когда разные группы соперничают за какие-то преимущества, не

прибегая к насилию. Результат конкуренции зависит от исходного уровня обеспеченности ресурсами, влиятельности внутренних и внешних союзников и уровня социальных навыков. Победители смогут распоряжаться потоками ресурсов и регулировать доступ к ним. Проигравшие получают меньше, но все же останутся частью поля.

Кооперация предполагает создание политической коалиции для сохранения поля стратегических действий. Цель каждого совместного проекта для его участников — получить доступ к ресурсам, как материальным, так и «экзистенциальным». (Мы подробнее рассмотрим «экзистенциальные» вознаграждения в следующем разделе и еще подробнее — в следующей главе.) Политическая коалиция отражает союз двух и более групп, образованный в противостоянии другим группам. Идеальный тип политической коалиции предполагает, что в ее основе лежит механизм кооперации. Основой же для кооперации обычно выступает сочетание разделяемых интересов (*shared interests*) и общей коллективной идентичности. Люди присоединяются к группам и сотрудничают в стремлении получить как более узкие материальные вознаграждения, так и сущностные преимущества, которые дают ощущение осмысленности происходящего (*sense of meaning*) и принадлежность к группе. На практике же устойчивое поле стратегических действий может строиться на любом из перечисленных трех оснований или на каком-то их сочетании [Wagner-Pacifici, 2000].

Создание политических коалиций — непростая задача, требующая социальных навыков. Актoram предстоит убедить другие группы, что объединение действительно служит их общим интересам. Если эти группы разного размера и преследуют разные цели, то очевидно, что более крупные группы получают преимущество. Стратегические акторы используют основанные на сотрудничестве коалиции и навязываемые иерархии как альтернативные спосо-

бы организации полей. Они могут вступать в коалицию с отдельными группами в поле стратегических действий, чтобы вместе образовать более крупную группу и затем уже в ее составе принуждать другие группы к определенным действиям или конкурировать с ними.

В зависимости от равномерности распределения ресурсов и позиций политические коалиции могут располагаться или на одном конце спектра, где в их основе лежит кооперация разных социальных групп, или на другом, где одна группа обладает большей властью и где политическая коалиция начинает напоминать иерархию. Группы ведущих игроков сопоставимого размера могут составить «плоскую» неиерархическую политическую коалицию, в которой участники имеют равную власть. Но также можно представить ситуацию, когда одна доминирующая группа контролирует поле стратегических действий, находясь в коалиции с множеством намного более мелких партнеров. Даже если тип отношений между членами коалиции формально называется сотрудничеством, такая структура больше напоминает иерархически организованное поле. Со временем относительная власть индивидов или социальных групп может усилиться или ослабнуть, что сдвинет поле или в сторону иерархии, или в сторону коалиции.

Структура ведущих игроков и претендентов зависит от природы поля стратегических действий. Например, количество доминирующих групп отражает относительную власть этих групп и основу, на которой зиждется их власть. Ведущие группы могут неформально договориться о разделе поля между собой. В результате в нем возникнет ряд обособленных сфер влияния, и эти группы смогут сотрудничать, не наступая друг другу на ноги. Они могут даже превратить эту договоренность в своего рода ритуал (*ritualize agreement*), что, впрочем, не мешает им время от времени проверять ее на прочность. В свою очередь, претенденты способны обратить в свою пользу зависимость от

ресурсов в поле стратегических действий. Если группы зависят от других групп, это создает устойчивую ситуацию, в которой заключаются контракты. В подобных отношениях всегда сохраняется напряжение, поскольку задаваемые ими позиции участников принципиально неравноправны.

Если говорить об идеальных типах, то иерархии ассоциируются с принуждением и конкуренцией, а политические коалиции — с кооперацией. В действительности же иерархии поддерживаются не только принуждением или за счет конкурентных преимуществ, а политические коалиции не всегда основаны целиком на кооперации. Нередко иерархии опираются на неявное согласие претендентов, а за соблюдение иерархического порядка им может даже полагаться вознаграждение. В результате доминирующие группы сохраняют за собой львиную долю ресурсов, но позволяют претендентам выживать и получать часть добычи, пусть и непропорционально малую. В свою очередь, претенденты, оставаясь в оппозиции к доминирующим игрокам, ведут себя прилично. Равным образом в политических коалициях нередко возникают конфликты и конкуренция. Группы в составе коалиции, возможно, будут полагать, что не получают причитающейся им доли вознаграждений. К тому же они могут считать, что их видение коалиции не принимается с должным уважением. Они могут попытаться перестроить коалицию, мобилизуя другой набор групп на основе нового, оппозиционного представления о поле. Разумеется, на политику иерархии и коалиции также влияет размер групп и объем доступных им ресурсов. Идея о том, что поле может быть организовано или как иерархия, или как коалиция, дает более целостное представление о возможности установления порядка в поле. Это еще один новый элемент в нашем подходе.

3. Социальные навыки и экзистенциальная функция социального. Следующий новый элемент в нашем подходе —

уникальная концепция специфичного для человека социального навыка, опирающаяся на глубокое понимание того, что мы обозначаем термином «экзистенциальная функция социального» (*existential function of the social*). Это основание микроуровня занимает настолько важное место в нашей теории, что его рассмотрению будет посвящена значительная часть второй главы. Здесь же ограничимся самым общим введением в этот аспект теории.

Вопрос о том, какую роль в конструировании социальной жизни следует отвести акторам, был одной из главных проблем в социальной теории на протяжении последних 20 лет [Fraser, 2003; Honneth, 1995; Jasper, 2004; 2006]. С одной стороны, социологи склонны придавать определяющее значение культурным или структурным факторам, которые упрощают или затрудняют способность индивидов или организованных групп активно воздействовать на свои жизненные шансы. С другой стороны, невозможно участвовать в социальной жизни и не поражаться тому, насколько сильно индивиды и группы могут влиять на происходящее с ними [Ganz, 2000; 2009]. Социология часто декларирует интерес к изучению положения тех, кто претендует на изменения в обществе, угнетенных и обездоленных. В сочетании со свойственным многим социологическим направлениям убеждением, что претенденты на изменения мало что могут исправить в своем положении, это ставит социологов в неудобную позицию — как в интеллектуальном, так и в политическом смысле. Задача нашего подхода — дать социологическое определение стратегических действий и увязать его с возможностью изменений в полях стратегических действий в разные моменты их развития.

Согласно одной из наших предшествующих работ [Fligstein, 2001a], мы определяем стратегическое действие как попытку социальных акторов создавать и поддерживать социальные миры посредством кооперации с дру-

гими акторами. Стратегическое действие заключается в установлении контроля в заданных обстоятельствах [Padgett, Ansell, 1993; White, 1992]. Создание идентичностей, политических коалиций и интересов может быть мотивировано стремлением контролировать других акторов. Но выработка подобных договоренностей и обеспечение их исполнения требует от стратегического актора способности мыслить широко, не замыкаясь на своих обстоятельствах, требует способности принять роль другого и приложить усилия к созданию общих миров и идентичностей [Jasper, 2004; 2006].

Иначе говоря, концепция социального навыка делает акцент на том, что индивиды и коллективные акторы обладают высокоразвитой когнитивной способностью понимать других людей и иные обстоятельства, задавать рамки способов действия и побуждать других людей к действию в соответствии с более общими представлениями о мире и о самих себе [Fligstein, 2001a; Jasper, 2004; 2006; Snow, Benford, 1988; Snow et al., 1986]. Способность выявлять, четко формулировать или присваивать и продвигать подобные «экзистенциальные наборы» (existential packages) — социальный навык, составляющий основу культурно обусловленного или конструируемого измерения социального действия. Мы рассматриваем социальный навык как индивидуальную способность и предполагаем, что она в той или иной степени свойственна всем людям и, возможно, даже распределена по законам нормального распределения.

Действия актора, обладающего социальным навыком, зависят от его роли в конкретном поле стратегических действий. В устойчивых социальных мирах квалифицированные стратегические акторы из доминирующих групп заняты созданием и воспроизводством существующего положения дел. Им помогает набор общих смыслов, разделяемых другими акторами, который определя-

ет идентичности и интересы этих акторов. Кроме того, в институционализованных социальных мирах подобные смыслы могут приниматься как данность, и действия с готовностью совершаются исходя именно из этих смыслов. В формирующихся и неустановившихся полях стратегических действий перед квалифицированными стратегическими акторами стоит другая задача. В неустановившихся полях стратегических действий квалифицированные социальные акторы могут выступить в роли «институционального предпринимателя» [DiMaggio, 1988]. Здесь на первый план выходит их способность налаживать связи между группами, апеллируя к общим интересам и идентичностям. Такого рода умения приносят наибольший выигрыш в неорганизованных или неустойчивых полях стратегических действий. В них акторы используют свой социальный навык, чтобы мобилизовать других, например, помогая им создать политическую коалицию, способную организовать данное поле, или привлечь недоступные другим ресурсы и организовать поле как иерархию [Ganz, 2000; 2009].

Делая акцент на когнитивном, эмпатическом и коммуникативном измерениях социального навыка, мы стремимся подчеркнуть главное: акторы, совершающие стратегическое действие, должны уметь применить самые разные представления в интересубъективной манере для укрепления кооперации между другими акторами — добровольной или не очень добровольной [Fligstein, 2001a]. Этот вид навыка позволяет актерам выйти за пределы индивидуальных или узкогрупповых интересов и принять роль другого как отправную точку для выработки более широкого понимания коллективной жизни, основанного на новом представлении о мире и новых общих идентичностях [Mead, 1934; Мид, 2009].

Сделаем еще одно критически важное замечание о применении упомянутых здесь социальных навыков. Поч-

ти все ранее предложенные подходы к стратегическому действию уделяли внимание в основном различиям предпочтений и неравенству властных полномочий. Многие из сказанного в данной книге можно интерпретировать и в этом, более узком, прикладном ключе. Однако мы рассматриваем стратегическое действие как неразрывно связанное со свойственной человеку способностью и *потребностью* вырабатывать общие смыслы и идентичности, служащие реальной основой существования общества. Это не значит, что властные полномочия и отдельные предпочтения не играют роли; однако наше стремление удовлетворить последние и осуществлять первые всегда сопряжено с более общими вопросами смысла и идентичности. Более того, сами предпочтения берут начало в основных источниках смысла и идентичности нашей жизни. Мы разберем этот непростой вопрос в следующей главе. Здесь же просто отметим, что наше представление о коллективном стратегическом действии опирается как на подход Вебера с акцентом на выработке смыслов и подход Мида с акцентом на эмпатии, так и на подчеркнуто инструментальный подход Маркса.

4. *Внешняя среда поля.* Как отмечалось ранее, многие теоретики представили свои описания порядков мезоуровня, которые мы называем полями стратегических действий. Однако почти все предыдущие исследования полей посвящены только внутреннему устройству этих порядков и описывают поля в основном как самодостаточные, автономные миры. Следующий элемент, отличающий наш подход от других, вытекает из признания ключевой роли внешней среды, в которой укоренено всякое поле стратегических действий. В частности, мы рассматриваем все поля как укорененные в сложном наложении других полей. Описать природу этих «других полей» и их отношения к тому или иному полю стратегических действий помогут три пары дихотомий. Первая — различие между

отдаленными и смежными полями. Смежные поля — это те поля стратегических действий, у которых установлены регулярные контакты с рассматриваемым полем и чьи действия обычно влияют на рассматриваемое поле. Отдаленные поля — те, с которыми связей практически нет и которые почти не влияют на рассматриваемое поле стратегических действий.

Вторая пара — различие *зависимых и взаимозависимых* полей. Здесь учитывается степень и направление влияния в отношениях между любыми двумя полями. Поле, которое преимущественно подвержено воздействию другого поля, называется *зависимым*. Источники зависимости могут быть самими разными, включая формальные юридические или бюрократические полномочия, ресурсную зависимость или физическую/военную силу. Формальные бюрократические иерархии, вложенные одна в другую подобно матрешке, воплощают первый из этих источников зависимости. В таких вертикально организованных системах все поля более низкого уровня включены во все системы более высокого уровня и формально зависят от них. Когда два связанных поля влияют друг на друга примерно в равной степени, их можно назвать состоящими в отношениях *взаимозависимости*. Нечего и говорить, что поля также могут быть *независимыми*, когда действия одного поля не влияют на другое. В действительности подавляющая часть полей стратегических действий такими и является.

Наконец, третье различие — между *государственными и негосударственными* полями. Оно очевидно, но оттого не менее важно. В современном мире только государственные акторы обладают формальными полномочиями вмешиваться, устанавливать правила, да и в целом определять легитимность и жизнеспособность большинства негосударственных полей. Это дает государствам весомый и в большинстве случаев превосходящий все прочие потен-

циал влияния на устойчивость большинства полей стратегических действий. Но государства сами являются набором из множества полей, отношения которых могут быть описаны как смежные или отдаленные, а в случае смежного расположения — как *горизонтальные* или *вертикальные*. Таким образом, мы отвергаем распространенное представление о едином государстве-гегемоне. При ближайшем рассмотрении оказывается, что государства составлены из бесчисленного множества социальных порядков, динамика которых почти неотличима от прочих полей. Эта концепция государства как плотной системы взаимозависимых полей является еще одной оригинальной составляющей нашей теории. Подробнее государства как совокупности полей будут рассмотрены в третьей главе.

Вооружившись этими различиями, мы быстрее осознаем сложность и возможные последствия связей, соединяющих любое поле стратегических действий с его внешней средой. Возьмем для примера подразделение фирмы, отвечающее за какой-либо продукт. Само по себе подразделение представляет собой поле, но оно также вертикально связано с более крупным полем всей фирмы и с другими подразделениями фирмы, с которыми оно рутинным образом конкурирует за ресурсы. Но пока мы перечислили только поля внутри фирмы, с которыми связано наше подразделение. В то же время оно встроено в сложное сплетение смежных полей, внешних по отношению к фирме: инвесторы, поставщики, клиенты, конкуренты и государственные регуляторы. Этот пример и перечисленные различия позволяют сделать простой вывод. Наше понимание динамики поля и, в частности, потенциальных конфликтов и изменений в этом поле будет существенным образом сужено, если мы, вслед за многими исследователями порядков мезоуровня, не примем в расчет ограничения (и возможности), которые привносятся в эти порядки в силу их множественных связей с другими поля-

ми. Стабильность любого поля по большей части зависит от его отношений с другими полями. И хотя данное поле может войти в состояние конфликта в результате внутренних процессов, намного чаще «случаи оспаривания» возникают в результате изменений, проникающих со стороны ближайших государственных и/или негосударственных полей.

5. Экзогенные шоки, мобилизация и зарождение спора. Главное теоретическое следствие взаимозависимости полей состоит в том, что именно среда поля составляет источник рутинного и непрерывного динамизма современного общества. Всякое значительное изменение в любом поле стратегических действий, подобно брошенному камню, образуящему круги на воде, распространяет волнение на все ближайшие поля. Это не значит, что все или хотя бы большинство волн выведут из равновесия другие поля. Изменения, как и камни, бывают разной величины. Лишь самые грандиозные изменения могут создать волнение достаточной силы, чтобы стать реальной угрозой стабильности ближайших полей.

Хотя повторяющиеся моменты турбулентности создают для претендентов возможность улучшить свое положение или даже изменить правила игры, в уже существующих полях доминирующие группы обычно занимают устойчивые и хорошо защищенные позиции и в силах противостоять давлению претендентов. Для начала, они, как правило, намного лучше претендентов обеспечены ресурсами. Кроме того, они могут не почувствовать угрозы даже во время сильного дестабилизирующего шока, потому что претенденты не оспаривают устойчивость их власти. Наконец, доминирующие игроки обычно располагают поддержкой лояльных союзников в управленческих единицах — как внутри поля, так и в ближайших государственных и негосударственных полях. Обладая такими материальными, культурными и политическими ресурсами,

доминирующие игроки занимают положение, обеспечивающее им выживание.

Тем не менее порой этих преимуществ оказывается недостаточно, чтобы выстоять в «случаях оспаривания». Иногда масштаб волнений бывает столь велик (например, недавний кризис субстандартного ипотечного кредитования, которому мы уделим существенное внимание в пятой главе), что в буквальном смысле навязывает кризисную ситуацию многим смежным полям, особенно находящимся в вертикально-зависимых отношениях с рассматриваемым полем стратегических действий. Но обычно масштаб дестабилизирующих изменений не настолько велик, чтобы вызвать кризис. Какую именно угрозу породит то или иное изменение, зависит от многовариантного процесса мобилизации, показанного на рис. 1.1. Этот процесс определяет способность к социальному конструированию и стратегическому действию, ключевую для нашего подхода.

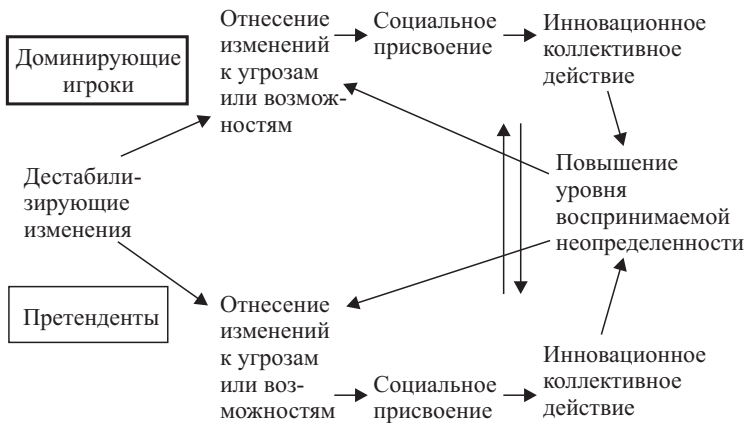

Рис. 1.1

Процесс, описание которого показалось бы знакомым многим исследователям социальных движений [McAdam,

1999; McAdam, Tarrow, Tilly, 2001], состоит из трех связанных механизмов. Первый — это *коллективное отнесение* (attribution) *происходящих изменений к угрозам или к возможностям*. Здесь дается ответ на простой вопрос: как доминирующие игроки и претенденты интерпретируют процесс дестабилизирующих изменений. Если процесс не будет признан представляющим серьезную угрозу (или создающим возможности) для реализации общих интересов, то он вряд ли вызовет в поле серьезный кризис или «столкновение». *Коллективное отнесение события к угрозам или возможностям*, однако, само по себе не означает начала спора. Этому должны сопутствовать еще два условия. Во-первых, требуется, чтобы те, кто увидел в происходящем угрозу или возможность, располагали организационными ресурсами (*социальное присвоение*, social appropriation), необходимыми для мобилизации и поддержания действия. Во-вторых, отличительный признак любой ситуации разногласий — усиление взаимодействия, включающее использование инновационных и ранее запретных форм коллективного действия (*инновационное действие*). Если претенденты даже в ситуации признания большинством угрозы или возможности продолжают придерживаться «надлежащих каналов» и установленных правил заявления о своих притязаниях, то кризис или столкновение, скорее всего, не возникнут.

Чтобы конкретизировать эту схему, приведем следующий пример. Арест Розы Паркс в декабре 1955 года за отказ уступить место белому мужчине в автобусе города Монтгомери едва ли предопределил наступивший впоследствии кризис. По большому счету множество чернокожих и ранее подвергались арестам за подобные нарушения. Но в этот раз, вероятно, из-за тесных связей Паркс с лидерами городского движения за гражданские права, арест был воспринят как возможность начать протест против несправедливости в системе автобусного сообщения

(событие было отнесено к возможностям). Но не этот, а два следующих шага превратили единичный арест в столкновение, имевшее очень значимые последствия. Убедив большинство черных священников Монтгомери выступить на воскресной проповеди 4 декабря с призывом к прихожанам протестовать против ареста Паркс, местные лидеры борьбы за гражданские права успешно воспользовались в интересах нарождающегося движения возможностями церкви — самого значимого института в черной общине, который для многих чернокожих служит источником смысла их жизни и идентичности. Если бы лидеры решили опротестовать арест через традиционные каналы, кризиса бы не возникло. Именно решение предпринять инновационное действие, организовав символический однодневный бойкот автобусов, запустило последовавшее столкновение.

6. *Ситуации разногласий (противоборства)*. Ситуация разногласий «может быть определена как период возникновения устойчивого взаимодействия противоборствующих сторон (contentious interaction) между... актерами [поля], использующими в отношении друг друга новые и инновационные формы действия» [McAdam, 2007, p. 253]. Наряду с инновационным действием ситуации разногласий предполагают общее ощущение неопределенности/кризиса правил и властных отношений, которым подчиняется поле. Если в поле уже есть явно выраженные доминирующие игроки и претенденты, мобилизация обеих групп может проходить чрезвычайно интенсивно. Ситуация может длиться до тех пор, пока сохраняется общее чувство неопределенности в отношении структуры и преобладающего порядка в поле. Разлитое в поле чувство неопределенности усиливает ощущение угрозы или возможности, которое в большей или меньшей степени обязывает все стороны конфликта продолжать борьбу. Эндрю Уолдер в книге о движении хунвейбинов в Пекине в 1966–1968 го-

дах предлагает примечательное описание именно такой ситуации противоборства [Walder, 2009a]. Он убедительно показывает, что разрастание конфликта было вызвано не столько существовавшими ранее или даже возникшими в ходе конфликта интересами, сколько общим ощущением хаоса и неопределенности, которое вынуждало все стороны участвовать в каждом последующем витке борьбы, имевшей во многом реактивный характер.

В этом плане силы, порождающие противоборство, — по меньшей мере какое-то время — могут поддерживать сами себя. Помимо общего чувства неопределенности, воспринимаемые угрозы и возможности изменяют состояние умов акторов поля: становятся заметными правила, которые ранее принимались как данность, оспариваются воспринимаемые преимущества, получаемые от исполнения этих правил, а также подрываются способы калькуляции, на которых до сих пор основывалось поле [McAdam, Scott, 2005, p. 18–19]. Когда приверженность существующей структуре поля стратегических действий рушится, следует ожидать, что к стычке присоединятся новые акторы. В ответ на разгорающийся кризис доминирующие игроки, по крайней мере первоначально, в попытке стабилизировать ситуацию апеллируют к *status quo*. В свою очередь, претенденты, скорее всего, первыми включатся в инновационное действие, почуввав возможность улучшить свою позицию в поле за счет новых приемов. Во время кризиса также вероятно появление и совершенно новых групп.

Одна из форм действия, неизбежно воспроизводимая во время ситуаций разногласий, — фрейминг [Benford, Snow, 2000; Goffman, 1974; Гофман, 2004; Snow et al., 1986]. Все участники конфликта, порой включая акторов, находящихся вне поля, предлагают и стремятся создать консенсус вокруг какой-то определенной концепции поля [Fligstein, 1996; Флигстин, 2004; Snow, Benford, 1988]. До-

минирующие игроки могут упорствовать в своих попытках воссоздать старый порядок, нередко прибегая к помощи внутренних для поля управленческих единиц и союзников в ближайших государственных полях. Навязывание *урегулирования* со стороны государственных акторов — распространенный, хотя и не всегда эффективный метод разрешения ситуации разногласий. Очень часто преимущества доминирующих групп — материальные, культурные, политические — оказываются достаточными, чтобы преодолеть кризис и восстановить порядок. Однако в редких случаях могут возобладать противостоящие логики — это происходит, когда претендентам удается поддержать начатую мобилизацию и постепенно институционализировать новые практики и правила [DiMaggio, 1991; McAdam, Tarrow, Tilly, 2001]. Следуя описанному выше «микрооснованию», стоит отметить, что стремление разрешить кризис поля часто вызвано экзистенциальными мотивами, а не только сугубо практическими соображениями. Все виды акторов поля — даже те, кто намеревается выиграть от тяжелого и продолжительного кризиса, — в известной степени заинтересованы в восстановлении общего ощущения порядка и той экзистенциальной целостности, которая составляет первооснову всей социальной жизни. Отсюда следует важный практический вывод: изучая ситуации столкновения и в особенности последующее урегулирование, исследователю стоит уделить экзистенциальным мотивам акторов (например, вопросам смысла, идентичности, выгорания и стресса) не меньше внимания, чем мотивам чисто практическим.

7. *Урегулирование*. По мере успешной мобилизации оппозиции или восстановления *status quo* доминирующими игроками и/или их союзниками поле начинает двигаться к новому (или обновленному) *институциональному урегулированию* со своими правилами и культурными нормами. Говорить о завершении кризиса в поле можно тогда, ког-

да восстанавливается общее чувство порядка и определенности и снова достигнут консенсус в вопросе о позициях доминирующих игроков и претендентов относительно друг друга [McAdam, Scott, 2005, p. 18–19; Schneiberg, Soule, 2005, p. 152–153].

Мы уже упоминали о роли государственных акторов в восстановлении порядка в поле, но в этом процессе могут также участвовать и другие внешние игроки. Как правило, ситуационные поля выступают источником дестабилизирующих шоков, порождают столкновения, но они же часто предлагают схемы урегулирования, позволяющие закончить эти столкновения. Когда правила поля не определены, акторы более восприимчивы к новым видениям и более склонны искать альтернативные решения. Ближайшие поля — легкодоступный и обычно пользующийся высоким доверием источник новых идей и практик. Так, социальные движения могут черпать идеи из других движений (внешний эффект) [Meyer, Whittier, 1994] или от них могут отделяться новые движения [McAdam, 1995]; организации перенимают «легитимные» формы из других полей [Clemens, 1993; 1996; DiMaggio, Powell, 1983, p. 151–152; Димаджио, Пауэлл, 2014, с. 172–175; Meyer, Rowan, 1977; Мейер, Роуэн, 2014]; судьи обосновывают новые трактовки законов с помощью аналогий [Epstein, 1987].

ДРУГИЕ ПОДХОДЫ

Развивая предложенный в этой книге подход, мы заимствовали элементы многих существующих теоретических концепций. Полезно отдать должное их авторам и указать на общие темы, но также необходимо выделить области, в которых мы добавляем новые идеи или выражаем несогласие и критикуем подходы других авторов. Наша цель — не принизить значение других подходов, а дополнить ранее проделанную обширную теоретическую работу. Мы

рассматриваем свой подход не как синтез ранее существовавших идей, а как новый взгляд на проблему, заимствующий некоторые элементы существующих теорий, но многое и добавляющий к ним. Наш подход призван разрешить ряд сложностей, с которыми сталкивается социология при изучении форм коллективного действия, и нам важно подчеркнуть этот факт. Один из способов это сделать — показать отличия нашего подхода от прочих: не ограничиваясь перечислением заимствований, продемонстрировать моменты, где наша теория обеспечивает продвижение вперед — к целостной теории полей.

В ряде мест мы уже упоминали о значительных различиях нашей теории и альтернативных подходов. Но до сих пор не было подробного и системного разбора этих различий. В данном разделе мы рассмотрим ряд альтернатив, наиболее релевантных концепции социальной жизни как системы полей, и проследим степень близости некоторых наших идей с идеями других крупных теорий и теоретиков. Затем мы укажем, чего не хватает в каждом из подходов и как наш подход может заполнить пробелы. Хотя все рассмотренные далее подходы содержат некоторые элементы теории поля, ни один из них, на наш взгляд, не предлагает общую теорию социального порядка, способную охватить столь же разнообразный круг явлений, как и предложенная нами альтернатива. Мы кратко разберем подходы Бурдьё, Гидденса, институциональной теории, сетевого анализа и теории социальных движений; укажем, что из них используем в своем подходе и как развиваем заложенные в них идеи.

Бурдьё

Очевидно значительное родство предложенного здесь подхода и теории Бурдьё. Бурдьё, наряду с другими исследователями, может считаться родоначальником идеи поля

как среды действия. Его теоретический аппарат — один из самых развитых (хотя и не самый развитый)². Чтобы охватить большее количество явлений, наш подход развивает как идеи теории полей, так и идею действия. Мы не намерены излишне критиковать подход Бурдьё, но полагаем, что он мог бы принять многие из наших доводов и с их помощью расширить охват и возможности своей теории поля.

Один из аспектов, в котором наша теория развивает теорию полей и действия, — последовательный акцент на роли коллективных акторов. Три главные концепции Бурдьё — габитус, капитал и поля. Почти все рассуждения об этих явлениях Бурдьё проводит на уровне индивидуальных акторов, помещенных в пределы полей [Bourdieu, 1984; Bourdieu, Wacquant, 1992]. Его мало занимает, как действуют коллективные акторы или как кооперация и конкуренция между коллективными акторами меняет структуру полей (в качестве исключения см. работу Бурдьё «Правила искусства» [Bourdieu, 1996]). В целом он мало что говорит об архитектуре рынков сверх общего утверждения, что рынки состоят из позиций, структура которых определяется относительной властью акторов. Он также не уделяет особого внимания отношениям между полями.

Тому есть несколько взаимосвязанных причин. Отправные точки в классической социальной теории, с которых начинал Бурдьё, не слишком помогают в создании чего-либо в духе теории полей, поэтому в ходе работы над

² Джон Мартин изучает историю идеи полей и утверждает, что в социологии есть несколько теорий поля, каждая со своим видением сути проблемы [Martin, 2009]. Нил Флигстин показывает, что немалую часть усилий нового институционализма в социологии, политической и экономической науке можно трактовать как поиск решения проблемы конструирования социальных порядков мезоуровня, то есть полей [Fligstein, 2009; Флигстин, 2001].

теорией капитала, габитуса и поля ему приходилось открывать новую и неизведанную территорию. Он разработал относительно небольшой и гибкий набор идей, которые оказались способны эффективно направлять исследовательскую работу (обзор применения этих идей в американской социологии см.: [Sallaz, Zavisca, 2007]). Его главным вкладом в теорию стала концепция поля и соединение ее с теорией действия. В числе проблем, которые он стремился решить, была одна проблема, очень значимая для социальной теории и близкая к сути нашего проекта: проблема агентов и структур. Он стремился отойти от традиционного противопоставления агентов и структур и показать важность и тех и других для понимания действий акторов. Он не только одним из первых озвучил эти теоретические идеи, но и одним из первых применил их к эмпирическому исследованию конкретных кейсов. Как и следовало ожидать, в этих кейсах рассматривались преимущественно действия индивидов в полях.

Наша задача — развить эти аргументы и протереть теоретические линзы, с тем чтобы более глубоко изучать подобные явления. Наш подход расширяет объект исследования и привлекает идеи из других направлений. Как следствие акцента на *индивидуальном* действии в полях, теория Бурдьё не лучшим образом осмысляет проблему *коллективного* действия (хотя и здесь среди его работ есть исключения, например, книга «Государственная знать» [Bourdieu, 1998]). Согласно его подходу акторы обычно занимают некоторую позицию в поле и попадают в него, владея определенным видом капитала и обладая собственным габитусом, дающим им когнитивную рамку для интерпретации действий других участников поля. Внимание к индивидуальному уровню очень полезно. Но оно оставляет в тени крайне важный аспект коллективной динамики полей. Нас же интересует, как люди сотрудничают, как группы достигают своих целей и как объяснить взаимо-

действие между группами. Стоит ли говорить, что для нас именно это — ключевая отправная точка.

В теории Бурдьё акторы большей частью ориентированы только на себя, ими движет стремление отстаивать свои интересы в пределах ограничений, заданных их позицией. Но теория поля должна уделять больше внимания роли согласованного действия, когда акторы не просто сосредоточены на своем положении в поле, но ищут возможности сотрудничества с другими, принимая на себя роль других и придавая своим действиям такую форму, которая будет привлекательна для других участников поля. Мы рассматриваем эту коллективную динамику как дополнение к идее индивидуального действия, которая находится в центре концепции Бурдьё.

Одно из преимуществ нашего подхода состоит в том, что он признает равную ценность конкуренции и кооперации для анализа поля. Коллективное действие на базе кооперации определяется способностью акторов убедить других, что их видение проблем поля, а также идентичность, которую они предъявляют другим в ходе решения этих проблем, принесет пользу всем участникам поля. Исследователи общественных движений и организаций часто изучают именно этот тип действия, потому что и тех и других интересует прежде всего возникновение запроса на согласованное действие и его динамика. В этом одно из главных отличий подхода Бурдьё и его последователей от большинства исследователей полей в американской социологии.

Еще одно отличие теории Бурдьё от предлагаемого нами подхода заключается в нашем интересе к возникновению и трансформации социальных пространств силами коллективных акторов. Большая часть работ Бурдьё нацелена на доказательство того, что поля существуют, что они задают многое в поведении акторов и что акторы довольствуются тем, что предлагают им системы. Он ред-

ко рассматривал возникновение новых полей и трансформацию тех, что уже существуют (снова не обошлось без исключений, таких как «Правила искусства» [Bourdieu, 1996]). Одна из ценных наработок Бурдьё — идея о том, что в момент возникновения сомнений в общепринятой точке зрения, которую он называл «докса», появляется, по крайней мере, возможность трансформации или распада поля [Bourdieu, 1977]. Но он слишком мало сказал (или не сказал почти ничего) о том, как именно это происходит и как коллективные акторы создают новые идентичности и фреймы, необходимые для формирования новых полей или трансформации уже существующих. Полагаем, что в целом Бурдьё принял бы этот аспект нашей теории. Наш подход напрямую обращается к теории социальных движений, чтобы понять механизмы возникновения поля и его трансформации, тем самым заполняя серьезный пробел в теории поля.

Наконец, хотя Бурдьё отлично осознает взаимосвязанность полей, он, как правило, не стремится теоретизировать связи между полями и процессы, которые могут возникнуть в результате взаимодействия между ними (впрочем, работа «Государственная знать» [Bourdieu, 1998] предлагает ряд примечательных эмпирических примеров взаимозависимости полей). В нашем подходе эти связи играют основополагающую роль для понимания стабильности и изменений в существующих полях. Их необходимо тщательно изучить и включить в теорию. Этой задаче целиком посвящена четвертая глава данной книги.

Гидденс

Многие допущения о механизмах социальной жизни, изложенные в работах Энтони Гидденса, совпадают с допущениями в обозначенном здесь подходе. Теория структуры Гидденса уделяет много внимания роли рефлексии

акторов даже в самых рутинных процессах воспроизводства системы [Giddens, 1979; 1984; Гидденс, 2003]. Гидденс также признает роль существующих структур и систем демонстрации силы в воспроизводстве социальной жизни. Он рассматривает социальные институты как совокупность правил и ресурсов. Правила — это образцы поведения, которым люди могут следовать в своей социальной жизни. Ресурсы Гидденс подразделяет на два типа. Авторитативные ресурсы определяют способность контролировать людей, аллокативные — способность контролировать материальные объекты.

Теория Гидденса использует рекурсивное понятие действий, ограничиваемых или становящихся возможными благодаря структурам, которые в свою очередь производятся и воспроизводятся благодаря действиям. Познания агентов о своем обществе направляют их действия, действие воспроизводит социальные структуры, а социальные структуры, в свою очередь, укрепляют и поддерживают динамику действий. Гидденс определяет «онтологическую безопасность» как доверие людей к социальной структуре; повседневным действиям свойственна определенная предсказуемость, что обеспечивает социальную стабильность. Когда доверие людей к структуре исчезает, происходят социальные перемены. Акторы отказываются от нормативного способа действий и, в зависимости от конкретного набора социальных факторов, могут спровоцировать изменение в социальной структуре. Возможность подобного созидющего действия обеспечивается взаимосвязью структуры и действия. Таким образом, действие может вести как к воспроизводству, так и к трансформации общества.

Такой феноменологический взгляд на дуализм действия и структуры во многом родственен подходу Бурдьё и нашей точке зрения. Акторы стремятся производить и воспроизводить свои позиции в социальных структурах. Что-

бы совершать свои ходы, они используют правила (например, правила поля), ресурсы (например, формы капитала) и свое понимание поля. Гидденс к тому же предполагает, что в случае разрушения структур акторы могут переосмыслить свои миры и запустить социальные изменения.

Хотя мы находим такой подход привлекательным, он также представляется нам несколько туманным. Гидденс упускает из виду ряд важных элементов. Во-первых, у него нет теории коллективного действия. Вместо этого акторы размещаются в бесчисленных социальных структурах, внутри которых им предстоит действовать. Мотивы акторов, их фактические взаимоотношения и их желание участвовать в коллективном действии ни разу не обратили на себя внимание Гидденса.

Во-вторых, Гидденсу недостает концепции арены социального действия, то есть концепции поля стратегических действий. Вместо нее он предлагает намного более общую (и мы бы сказали, более расплывчатую) идею социальной структуры. Его понимание правил и ресурсов как структуры затрудняет объяснение того, что именно определяет границы этих структур. Например, в теории полей принимается, что в поле всегда должно что-то стоять «на кону». Именно то, что в данном поле стоит «на кону», отличает его от других полей и составляет предмет усилий акторов, стремящихся установить над ним контроль. Теория полей стратегических действий позволяет разобраться, кто является участниками поля, каковы их позиции и что они, скорее всего, будут делать. Она также подчеркивает, что действие является социальным и ориентировано на других. Понимая, что целью действия в данном поле может быть как кооперация, так и конкуренция, мы приближаемся к объяснению источника изменений в полях.

Из-за отсутствия в активе Гидденса теории поля стратегических действий он не преуспевает и в осмыслении

процессов, направляющих индивидуальное и коллективное действие в рамках поля. Теория полей стратегических действий позволяет оценить, в каком состоянии находится социальная структура мезоуровня — в стадии формирования, стабильности или трансформации. Без подобной теории непросто разобраться в действиях как индивидуальных, так и коллективных акторов. Наша теория полей стратегических действий определяет состояние поля и потому позволяет предвидеть возможное развитие событий. В формирующемся поле стратегических действий на передний план выдвигаются вопросы о том, что происходит в поле, что в нем является ресурсом, кто и как будет создавать правила. Решаются проблемы коллективного действия, создания идентичностей и в целом оформления поля. Равным образом наш подход обозначает источники социального изменения в полях. Прежде всего, связи между полями вызывают разрушение существующих полей или открывают новые возможности для организации поля. Наш тезис о том, что воспроизводство поля — не механический процесс, а результат серии взаимодействий, который не гарантирует точного повторения существующего порядка, объясняет ход частичных изменений в тех или иных полях. Теория полей стратегических действий дает нам много более эффективные аналитические инструменты для понимания того, как возникают и меняются формы социальной жизни.

Институциональная теория

Наш подход многим обязан институциональной теории в политической науке и особенно в социологии. Институциональная теория в исследованиях организаций [DiMaggio, Powell, 1983; Димаджио, Пауэлл, 2014; Meyer, Rowan, 1977; Scott, Meyer, 1983] работает на том же мезоуровне, что и наш подход. Ричард Скотт и Джон Мейер использу-

ют термин «сектор» для обозначения полей как совокупности всех организаций, какие только могут повлиять на положение рассматриваемой организации [Scott, Meyer, 1983]. Пол Димаджо и Уолтер Пауэлл начали с предложенного Скоттом и Мейером определения поля как совокупности всех заинтересованных акторов (*relevant actors*). Они выделили три вида сил, направляющих организации в поле к сходным результатам, и обозначили их как миметический/подражательный, принудительный и нормативный изоморфизм. Они утверждают, что акторы организаций действуют в мирах неопределенности. Чтобы снизить неопределенность, акторы поддаются влиянию различных сил. Они могут следовать примеру успешной, по их мнению, организации. Они могут также последовать советам профессионалов или экспертов относительно того, что именно следует делать. Наконец, другие организации или правительство могут заставить их действовать в соответствии с определенными ожиданиями. Эта идея породила плодотворное направление исследований распространения новых институтов в существующих полях. Мы многое перенимаем из этого подхода: внимание к полям и взаимное конституирование полей и акторов, которые в своих действиях принимают во внимание других акторов и стремятся выработать общее понимание того, что и как следует делать.

Но признавая, что мы многим обязаны институциональному подходу, мы все же усматриваем в нем две проблемы. Во-первых, институциональная теория — это на самом деле теория конформности в уже существующих полях. Ей не хватает теоретического основания для объяснения возникновения и трансформации полей. Институциональная теория по самой своей сути антагонистична понятию действия. Акторы следуют правилам либо осознанно, посредством имитации или по принуждению, либо неосознанно, согласно неявной договоренности [Di-

Maggio, 1988; Jepperson, 1991]. Статью Димаджио [DiMaggio, 1988] обычно упоминают как первоисточник идеи институциональных предпринимателей. Но ее главный посыл — констатация того, что институциональной теории не хватает теории действия, власти и конфликта. Димаджио потому и предлагает идею институционального предпринимателя, что хочет объяснить происходящее в поле во время его формирования или трансформации. Он предполагает, что изменение возможно лишь в том случае, если некто додумается сделать что-то новое и сумеет убедить других последовать его примеру. Но при всей своей полезности концепция институционального предпринимателя едва ли способна составить целостную теорию стабильности и изменения в полях. Димаджио не учитывает укорененность полей стратегических действий в их внешней среде, а потому не дает глубокого структурного анализа видов разрушительных воздействий, которые обычно становятся катализаторами предпринимательского усилия. В итоге под видом теории действия мы получаем лишь немного завуалированную теорию «великого человека». Одним словом, чтобы институциональная теория по версии Мейера — Роуэна и Димаджио — Пауэлла должным образом заработала, нужно дополнить идеи стабильности и воспроизводства теорией изменений, как это предложено в данной работе.

Отсюда проистекает вторая проблема: институциональный подход серьезно недооценивает роль власти в структурировании полей, в том числе и устойчивых. Поля по версии Мейера — Скотта и Димаджио — Пауэлла не предусматривают наличие у акторов интересов, ресурсов или позиций, определяющих их возможный выигрыш. Акторы не маневрируют один вокруг другого, словно в игре, стремясь удержать или улучшить свою позицию, а просто следуют сценариям, предписывающим определенный ход действий. Все это означает, что институциональной тео-

рии не только недостает концепции появления нового и трансформации (что, в общем-то, согласуется с ее основным посылом), но даже не удастся объяснить частичные изменения в ходе непрекращающейся игры, которых стоит ожидать в случае изменения ситуации в поле или между полями.

Сетевой анализ

Идея использовать сетевой анализ для моделирования полей восходит к работам Димаджио и Пауэлла [DiMaggio, Powell, 1983; Димаджио, Пауэлл, 2014]. Есть много интересных исследований того, как сети задают форму отношений и перспективы укорененных в них акторов. В них говорится, что сети могут быть источником информации [Davis, Diekmann, Tinsley, 1994], ресурсной зависимости [Burt, 1980], доверия [Uzzi, 1996; Уци, 2007] или столкновения [Baker, Faulkner, 1993]. В работе Пауэлла и его соавторов [Powell et al., 2005] — одной из самых амбициозных попыток показать, как сети и альянсы формируют структуру всего поля, — вклад сетей во все вышеперечисленное продемонстрирован на примере фирм в отрасли биотехнологий.

Однако при всех своих достоинствах сетевой анализ все же *не* является теорией полей. Это прежде всего методология для моделирования различных аспектов отношений между акторами в поле. И хотя сетевой анализ может быть мощным инструментом для картографирования полей и особенно для отслеживания изменений в составе полей стратегических действий, он ничего не говорит о динамических процессах, определяющих форму поля. Безусловно, некоторые исследователи полей пытались теоретически осмыслить роль социальных связей или других качеств сетей в социальной динамике [Burt, 1992; Gould, 1993; Granovetter, 1973; Грановеттер, 2007], но, на-

сколько нам известно, ничего подобного для теории полей сетевой подход не предложил.

Это оставляет нас примерно в том же положении, с каким столкнулись теоретики социальных движений в своем использовании сетевого анализа. Хотя он и составлял самую суть изучения социальных движений, теория не поспевала за эмпирическими исследованиями. И хотя в этом направлении появилось впечатляющее множество работ, демонстрирующих значимость эффектов сети, особенно применительно к вовлечению в социальные движения, до сих пор нет теоретического согласия о том, что именно объясняет сетевой эффект в феномене сети. Или, как несколько лет назад лаконично выразилась Флоренс Пасси, «сейчас мы знаем, что социальные связи важны для коллективного действия, но нам еще предстоит теоретически объяснить... действительную роль сетей» [Passy, 2003, p. 22].

Сетевой анализ может стать мощным подспорьем в изучении полей стратегических действий, но только в дополнение к более масштабной теории динамики поля. Картографирование структуры отношений в поле, каким бы замысловатым оно не было, никогда не заменит глубокого анализа разделяемых (или оспариваемых) представлений, которые ложатся в основу и определяют форму поля стратегических действий. Иными словами, исследователь должен предоставить теоретическое обоснование того, почему изучаемые взаимоотношения (например, сети) имеют значение в конкретном контексте. Если поле в самом деле представляет собой арену, на которой, как предполагает наш подход, сталкиваются в стремлении получить преимущество индивиды, группы и организации, то внутренняя логика полей прописана не в структуре сети, а в культурно обусловленных концепциях власти, привилегий, ресурсов, правил и т.д., определяющих форму действия в данном поле стратегических действий.

В завершение этого раздела приведем простой пример, показывающий разницу формального анализа сетей и предложенного здесь подхода. Сторонники сетевого анализа достигли небывалого совершенства в эмпирическом картографировании исторических изменений в структуре поля. При этом изменения в отношениях между акторами в сети принято интерпретировать как содержательно значимые изменения в поле. Если какая-либо совокупность отношений исчезает или возникает, это трактуется как непосредственная фиксация значимого изменения в поле. Однако, не зная, как эти изменения воспринимают претенденты и доминирующие игроки поля, исследователь не может ничего утверждать относительно их значимости. Поэтому, например, изменение в отношениях между акторами может означать для одного из акторов улучшение позиции в поле, тогда как для поля в целом ничего значимого не произойдет. Вместе с тем в иных обстоятельствах возвышение одного актора может стать предвестником колоссальных перемен в структуре всего поля стратегических действий. Проблема в том, что методика сетевого анализа, описывающая изменение лишь позиции этого одного актора, не способна сказать, какой из двух исходов реализуется. Только соединив мастерство сетевого анализа в выявлении структур с вниманием к смыслу изменений для всех заинтересованных акторов поля, мы сможем сказать, приведет ли некое изменение в сетевой структуре к последствиям для всего поля.

Теория социальных движений

Последний подход, который мы рассмотрим, — это теория социальных движений³. Глядя на кратко обрисован-

³ На самом деле со временем было предложено несколько разных теорий социальных движений (например, теория коллективного

ные ранее элементы нашего подхода, нетрудно заметить, что многое в нашей теории взято из исследований социальных движений. Ряд наших ключевых понятий (фрейминг, политические возможности, разрушение и урегулирование, ситуации разногласий, доминирующие игроки и претенденты) напрямую заимствованы из теории социальных движений. В то же время предложенная здесь теоретическая конструкция охватывает намного более широкий круг явлений, чем теория социальных движений, а также отличается от нее в ряде других важнейших аспектов. Начнем с того, что в отличие от описанных выше организационных подходов теория социальных движений никогда не ориентировалась на понятие «поля». Далее, как следует из самого названия, изучение социальных движений — очень специализированное, «движение-центричное» научное направление [McAdam, Boudet, 2012; Walder, 2009b], тогда как предложенная здесь теория подчеркивает крайнюю важность не только взаимодействия акторов внутри поля, но и взаимодействия между полем и средой, в которой это поле укоренено. Наконец, если сторонникам институционального подхода лучше удавалось объяснение источников стабильности и воспроизводства, то исследователи социальных движений ожидаемо преуспели в объяснении динамики конфликтов и изменений. Соответственно, теория социальных движений очень немного говорит о процессах, которые обеспечивают стабильность и порядок в полях стратегических действий. Напротив, предложенный здесь подход ставит целью объяснить процессы возникновения, стабильности, *но также и трансформации* поля.

поведения, теория новых социальных движений). Здесь термин «теория социальных движений» используется для обозначения подхода на основе концепций *мобилизации ресурсов*, *политического процесса* и *теории фрейминга*, который получил наибольшее распространение в последние двадцать лет.

Каждое из рассмотренных выше научных направлений подмечает какой-либо важный аспект функционирования полей стратегических действий. Тот факт, что исследователи из разных направлений нашли точки соприкосновения и заимствовали элементы теорий друг друга, означает, что их идеи действительно перекликаются. Однако все эти альтернативные подходы не смогли распознать свое глубинное теоретическое родство. Теория полей стратегических действий — намного более масштабный подход, который позволит понять, как производятся, поддерживаются и распадаются социальные порядки мезоуровня. Как показывает наш краткий обзор, не заметив этот глубинный уровень конвергенции идей, каждый подход предложил неполную картину организации социальной жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одна из сквозных тем социологии — существование влиятельных социальных институтов и структур, чрезвычайно устойчивых к изменениям. «Жадные» институты, классовые структуры, корпорации — все они рассматриваются как устойчивые структуры, противостоящие изменениям даже в самые турбулентные времена. Капиталисты всегда побеждают, государственное всегда сильнее негосударственного, а социальные движения в большинстве своем обречены на провал. Мы полагаем, что это представление в лучшем случае неполное, а в худшем — вводит в заблуждение. Поля стратегических действий представляют собой повторяющиеся игры. Даже в стабильных полях игра никогда не прекращается, и навыки претендентов и/или дестабилизирующие изменения в ближайших полях могут сделать доминирующих игроков уязвимыми и воспрепятствовать воспроизводству поля. Но и в других случаях правила, состав и структура поля всегда остаются предметом игры. Воспроизводство поля может быть нормой,

однако его всегда сопровождают рутинное маневрирование в поиске лучшей позиции и постепенные изменения. С появлением новых и исчезновением прежних акторов правила меняются, а отношения доминирующих игроков и претендентов пересматриваются. Подобные частичные корректировки свойственны почти всем полям, даже самым устойчивым.

Этот вид постепенных изменений отличается от более редких, но все же достаточно распространенных ситуаций возникновения и трансформации поля. Здесь меняется сам порядок. Внезапно появляются новые поля, прежние поля трансформируются или вовсе разрушаются и исчезают. Динамика этих процессов иная. Доминирующие игроки борются за выживание; появляются новые или усиливаются уже присутствующие в поле претенденты. Именно в такие моменты возникают новые идентичности и новые разделяемые смыслы, которые начинают формировать новые интересы, создавая необычные и инновационные социальные формы. Но независимо от вида изменений, перед коллективными стратегическими акторами стоит задача организовать свои группы, мотивировать их участников и организовать действие против других групп. В спокойные времена структурные позиции акторов во многом определяют их судьбу. Когда правила, ресурсы и политические альянсы устроены к выгоде доминирующих игроков, квалифицированным социальным акторам в группах, претендующих на власть, придется стараться изо всех сил, чтобы выжить или улучшить свою позицию. Квалифицированные стратегические акторы в доминирующих группах, заручившиеся поддержкой внутренних управленческих единиц и союзников в ближайших государственных полях, используют существующие правила и ресурсы, чтобы воспроизвести свои преимущества. Но когда ресурсы и правила «возвращаются в игру», а существующий порядок расшатывается, квали-

фицированные социальные акторы начинают вести ожесточенную борьбу за возможность создать альтернативный порядок.

Остальная часть книги посвящена детальному изложению этой теории. Во второй главе мы сформулируем микрооснование теории, замахнувшись на фундаментальное теоретическое осмысление с учетом природы современного человека и базовых способностей людей к коммуникации/взаимодействию. В третьей главе мы переходим с микро- на макроуровень. Как отмечалось ранее, все остальные подходы к изучению полей, на наш взгляд, чересчур «полецетричны». Они занимаются только внутренней динамикой в полях стратегических действий. Нам это тоже важно; однако, по нашему убеждению, чтобы по-настоящему понять поле и происходящее с ним, начинать нужно с последовательного определения его места в сложном сплетении «внешних» полей (государственных и негосударственных), с которыми оно связано. Да и само различие «внутреннего» и «внешнего» представляется довольно надуманным. Точнее будет сказать, что внутреннее и внешнее существуют в сложной взаимосвязи, создающей возможности для возникновения, стабильности и изменения поля. Затем, в четвертой главе, мы увязываем макродинамику с вопросами изменения и стабильности в полях.

В пятой главе концептуальная схема применяется к подробному разбору двух кейсов. Наша цель — понять с ее помощью явления, которые на первый взгляд не имеют ничего общего. Мы иллюстрируем принципы своего подхода, предлагая новую трактовку революционных сдвигов в борьбе за гражданские права в Соединенных Штатах в XX веке — как истории разрушения национального поля расовой политики, вызванного дестабилизирующими изменениями в трех ближайших полях. Для контраста на роль второго кейса мы выбрали исследование рынка

ипотечных кредитов в США — от его формирования в 1960-х годах до пика 1990-х годов и падения в 2000-х годах. Надеемся, что подробное повествование пятой главы продемонстрирует аналитическую пользу от осмысления этих кейсов в терминах полей. В шестой главе мы обращаемся к методологическим аспектам теории, предлагая практически применимую схему для всякого, кто захочет использовать наш подход для изучения конкретного поля стратегических действий. В завершающей седьмой главе мы выделяем самые важные идеи и выводы предложенной в этой книге теории.